

18+

Во имя Науки!

УБИЙСТВА,
ПЫТКИ,
ШПИОНАЖ
и многое
другое

СЭМ КИН

автор бестселлера «Исчезающая ложка»

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сэм Кин
Во имя Науки! Убийства,
пытки, шпионаж
и многое другое
Серия «Удовольствие от науки»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68930877

Во имя Науки! Убийства, пытки, шпионаж и многое другое: Эксмо;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-184207-9

Аннотация

Вы – врач, который знает, какое лекарство необходимо пациенту, чтобы спасти его жизнь. Одновременно с этим вы ученый, который изучает течение болезни, и собранные вами данные могут спасти тысячи жизней. Если вы дадите лекарство своему пациенту, то спасете одну человеческую жизнь, а если продолжите за ним наблюдать – тысячи.

Ваш выбор? Сэм Кин, автор научно-популярных бестселлеров, представляет зловещую и захватывающую историю самых темных секретов науки. Все, о чем он пишет на страницах этой книги, происходило на самом деле. Все этические дилеммы, которые вы в ней встретите, приходилось разрешать реальным ученым, при

этом, всемирно известным. Все ужасы, описываемые Кином – не вымысел, а страшная, щемящая душу правда. Добро пожаловать в закулисы научного мира!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог. Наследие Клеопатры	7
Введение	11
1. Пиратство: биолог-буканьер	20
2. Рабовладение: падение энтомолога	57
3. Гробокопательство: Джекил и Хайд, Хантер и Нокс	101
4. Убийство: профессор и уборщик	138
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Сэм Кин

**Во имя Науки! Убийства,
пытки, шпионаж
и многое другое**

ICEPICK SURGEON:

**Murder, Fraud, Sabotage, Piracy, and Other Dastardly
Deeds Perpetrated in the Name of Science by Sam Kean**

Copyright © 2021 by Sam Kean

© Бавин П. С., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

*Большинство людей полагают, что великий
ученый – это прежде всего интеллект. Они
ошибаются. Это прежде всего характер.
Альберт Эйнштейн*

*Могу сказать только одно: многое делается
противозаконно, но когда известный человек
желает провести научный эксперимент, закон*

прикрывает глаза.
Д-р Томас Риверс

Пролог. Наследие Клеопатры

Согласно легенде, первый неэтичный научный эксперимент в истории был организован не кем иным, как Клеопатрой.

В период ее правления, которое длилось с 51 по 30 год до н. э., у египетских ученых возник вопрос: насколько рано можно определить пол будущего ребенка в утробе матери? Этого никто не знал, и у Клеопатры возник дьявольский план в отношении некоторых своих служанок.

Это был не первый случай вторжения царицы в область медицины. Согласно античным источникам – и современные историки поддерживают их мнение, – Клеопатра проявляла живой интерес к работе придворных лекарей. Она даже изобрела сомнительное средство против облысения – мазь из сожженных перетертых мышей, жженных лошадиных зубов, смешанных с медвежьим салом, костным мозгом оленя, корой тростника и медом. Эту смесь нужно было втирать в череп, «пока он не прорастет». Греческий историк Плутарх писал и о более страшных экспериментах Клеопатры с ядами, которые она испытывала на узниках. Вначале она занималась настойками и химикатами – вероятно, добываемыми из растений, – а затем перешла к ядовитым животным. (Она даже стравливала различных ядовитых тварей между собой и с увлечением наблюдала, кто победит.) Эти знания приго-

дились царице, когда она решила покончить с собой, позволив ядовитой змее укусить себя в грудь, поскольку, по ее наблюдениям, такая смерть наступала относительно безболезненно.

Какими бы ужасными ни казались отравления узников, по безнравственности эксперименты с плодом в утробе бесконечно их превосходят. Неизвестно, почему Клеопатру так это интересовало и почему ей так нужно было это выяснить. Но, как только какую-то из ее служанок приговаривали к смерти (судя по всему, это было распространенное явление), царица подвергала ее специфической процедуре. Во-первых, на тот случай, если служанка вдруг была беременна, царица заставляла ее выпить ядовитую жидкость – «разрушительную сыворотку», – которая, как ей было известно, провоцирует выкидыш. После того как с прошлым было покончено, Клеопатра заставляла слугу мужского пола заново оплодотворить женщину. Затем, в заранее определенный момент, несчастной вскрывали живот и извлекали плод. Результаты бывали разными, но, по некоторым свидетельствам, Клеопатра могла различать младенцев мужского и женского пола уже на сорок первый день после зачатия, тем самым доказав, что половые различия проявляются на ранней стадии развития плода. В общем и целом она посчитала свой эксперимент успешным.

Впрочем, единственным историческим источником, где упоминается об этом кошмаре, является Талмуд, что на пер-

вый взгляд может вызывать подозрения. У Клеопатры было множество врагов, которые распространяли про нее разные слухи, и трудно придумать историю, демонизировавшую ее больше, чем эта. Кроме того, как ныне известно медикам, результаты недостоверны. Через шесть недель после зачатия у плода формируются глаза, нос и пальцы в виде мелких уплотнений, но его размер не более полдюйма, гениталии еще не дифференцированы, а следовательно, определить пол невозможно. (Гениталии формируются на девятой неделе, когда плод достигает двух дюймов в длину.) Так что, оставляя в стороне враждебные слухи, сомнительно, что Клеопатра вообще проводила подобный эксперимент.

Пусть это и легенда, но многие поколения людей верили в нее, а это говорит кое о чем важном. Клеопатра была могущественной, ее многие ненавидели, и яркость кошмарной легенды захватывает воображение. Мы допускаем, что тираны совершают ужасающие поступки. Но помимо того, кое-что в данном свидетельстве похоже на правду. Здесь кроется архетип некоего глубинного и страшного образа, который сложился уже в те древние времена, – образа человека, способного зайти слишком далеко и позволить своей одержимости овладеть им. Сейчас мы называем такого человека безумным ученым.

Безумство безумных ученых – особого рода. Они не бормочут чушь и не впутывают вас в сумасшедшие замыслы. Напротив, они мыслят вполне логически. Например, Клео-

патра проводила эксперименты только над служанками, которые за какие-то прегрешения были приговорены к смерти. Если им все равно суждено умереть, логично рассуждала она, почему бы в оставшееся время не послужить на пользу делу? Придя к подобному умозаключению, она вынуждала их сделать аборт, исключая возможность случайной предыдущей беременности повлиять на чистоту эксперимента. Затем фиксировала точную дату насильственного нового оплодотворения, чтобы впоследствии получить точный результат. Если рассматривать это как чистый эксперимент, Клеопатра все делала правильно.

Но по всем остальным нормам Клеопатра, разумеется, поступала неправильно. Она оказалась настолько одержима своей идеей, настолько ослеплена ею, что отбросила в сторону все соображения благопристойности и сострадания, игнорируя кровь и боль, стремясь к своей цели, несмотря ни на что. Нет, безумного ученого делает безумцем не отсутствие логики, оправдания или научной проницательности. Суть в том, что они *слишком хорошо* занимаются наукой – вплоть до утраты человечности.

Введение

В нашем обществе ученые – достойная публика. Как правило. Это спокойные и умные, рациональные и здравомыслящие люди, хладнокровно анализирующие окружающий нас мир. Но, как показывает история с Клеопатрой, порой их охватывает одержимость. Они все выворачивают наизнанку и превращают якобы благородные устремления в нечто противоположное. За наваждением забывается, что знание – это еще не все. Это лишь часть.

В этой книге выясняется, что толкает людей переступить черту и совершать преступления и проступки во имя науки. В каждой главе рассматриваются различные грехи: убийство, вредительство, шпионаж, гробокопательство, мошенничество и прочие – полноценный тур по криминальным искусствам. Надо признаться, некоторые из этих историй неприлично увлекательны: кому не понравится захватывающая байка про пирата или пикантная история мести? От других, даже случившихся пару веков назад, до сих пор мороз по коже. Какие-то случаи попадали на первые полосы всех таблоидов своей эпохи, другие остались незамеченными или растворились во времени, несмотря на всю свою сенсационность. В этой книге я восстанавливаю такие истории и стараюсь показать, что толкает людей нарушать абсолютные табу.

Эти истории могут поведать немало удивительного о том,

как работает наука. Всем известно, как происходят открытия. Кто-то наблюдает необычное природное явление, кого-то озаряет представление о том, как протекает некий процесс или ведет себя некая частица. Затем ученый проводит эксперименты, чтобы проверить гипотезу, или отправляется в поле. При известной доле везения все складывается удачно (ха-ха). Но чаще громоздятся разочарования: эксперименты проваливаются, финансирование заканчивается, косные коллеги отказываются признавать новые результаты. Затем, благодаря определенной настойчивости, доказательства становятся слишком очевидными, чтобы их игнорировать, и сопротивление тает. Ученый возвращается из интеллектуальных дебрей, и его провозглашают гением. Мир получает огромную пользу от нового медицинского средства, или высокотехнологичного материала, или даже от понимания того, как зародилась жизнь или какова судьба Вселенной.

Нужен определенный тип личности, чтобы пройти сквозь все эти тернии, нужно терпение и самопожертвование. Вот почему наше общество традиционно почитает ученых как героев. Но наука – нечто большее, чем череда отдельных находок. С недавних пор она, как и общество в целом, существует в нравственных координатах, и понимание добра и зла, а также пути от одного к другому имеют большее значение, чем когда-либо. У науки есть свои грехи, за которые приходится держать ответ.

Еще более удивительным может показаться понимание

того, что неэтичная наука по факту является некачественной наукой. Нравственно сомнительные исследования зачастую вызывают сомнения и в научном смысле. На первый взгляд это может показаться странным. Часто ведь говорят, что знание не может быть хорошим или плохим – тем или другим его делает только использование человеком. Но наука еще и коллективная деятельность: полученные результаты нуждаются в проверке, верификации и признании другими людьми. Ученый полностью вкладывается в процесс, но, как показывают истории, изложенные в этой книге, наука, игнорирующая человеческие нужды или попирающая права человека, как правило, не дает тех результатов, на которые можно было бы рассчитывать. В лучшем случае такая работа раскалывает научное сообщество и вынуждает тратить время и силы на склоки. В худшем – покушается на культурные и политические свободы, необходимые для самого существования науки. Насилие и предательство в отношении людей оборачиваются насилием и предательством самой науки.

Вот почему эти истории имеют не только научный или биографический интерес. Очень редко злодеи от науки рождаются полностью сформированными, как Афина из головы Зевса. В большинстве случаев нравственная коррозия происходит постепенно. Разрушение идет шаг за шагом. Понимание того, что делают такие ученые и как они находят себе оправдание, дает возможность вычленить такого же ро-

да сомнительную логику в современных исследованиях и даже предотвратить возникновение таких проблем. Анализ несправедливых деяний дает возможность понять, как погасить дурные импульсы и направить энергию на доброе дело.

Одновременно эти истории помогают постичь психологическую подоплеку разного рода злодеяний. Как выглядят преступники от науки? Чем они отличаются от заурядных преступников? И каким образом их интеллект и глубокое знание мироустройства помогают и содействуют несправедливым поступкам? Например, в четвертой главе исследуется сенсационное убийство в Гарварде, где профессор медицины, используя свои познания в анатомии, убил своего коллегу и расчленил труп (таким образом, он стал вторым в истории выпускником Гарвардского университета, казненным за преступление. В другой главе мы встретимся с человеком, который едва не стал третьим). Часто полагают, что просвещенные интеллектуалы – высоконравственная публика; увы, множество фактов свидетельствует об обратном.

И наконец, как ученые оправдывают свои прегрешения перед собой и другими? Психологи уже описали несколько приемов, которыми пользуются преступники от науки, чтобы найти рациональное объяснение своим поступкам и минимизировать свою вину, – своего рода базовый курс на тему «Почему Хорошие Ученые Совершают Плохие Поступки». Например, ученые более склонны преступать этические границы, когда испытывают настоящую потребность во что

бы то ни стало достичь цели. Подлецы от науки также пользуются эвфемизмами, чтобы маскировать свои деяния, порой даже для самих себя. Или производят сложные морально-этические вычисления, в результате чего польза, которую они принесли в прошлом, в сумме перевешивает вред, причиняемый в данный момент, и общий итог оказывается положительным.

Ученые, судя по всему, особенно склонны к туннельному зрению. Не секрет, что наука требует высокой сосредоточенности, и туннельное зрение концептуально важно для такой сосредоточенности. Погружаясь в исследование, некоторые не в состоянии ничего видеть за его границами, и все в своей жизни, включая этику, подчиняют достижению поставленной цели. В таких случаях мысль о нравственности или безнравственности научного проекта им просто не приходит в голову. Во второй главе я напоминаю, как много самых ярких европейских ученых семнадцатого и восемнадцатого веков, включая Исаака Ньютона и Карла Линнея, использовали в своих интересах трансатлантическую работоторговлю, чтобы получать фактические данные и пополнять коллекции образцами из дальних краев. Корабли доставляли нужные ученым сведения, и наверняка мало кто из них задумывался о своей причастности к работоторговле.

В иных случаях искажаются представления о нравственности. По сравнению, скажем, с политикой наука кажется чистым делом. Достаточно вспомнить, от скольких невзгод и

тягот она нас избавила благодаря спасающей жизни медицине и облегчающим труд технологиям. Ученые по праву гордятся этими достижениями. Но тут очень легко угодить в логическую ловушку: Наука = Польза, точка. И в этом смысле все, что продвигает научные исследования, должно, следовательно, рассматриваться в позитивном ключе. Наука становится самоцелью и самооправданием. Аналогичным образом ученые, одержимые манией величия, часто обманываются предвидением результата. Они убеждают себя, что их исследование – предвестник научной утопии и что блаженство, которое будет достигнуто в этой утопии, многократно компенсирует страдания, причиняемые в данный момент. В пятой главе показано, как в такую ловушку попал Томас Эдисон, мучая собак и лошадей электричеством, чтобы доказать превосходство системы генерирования тока, которую он предпочитал. Хуже того, в седьмой главе рассказывается о том, как в исследовании, направленном на борьбу с инфекционными заболеваниями, передающимися половым путем, периодически сознательно заражали людей сифилисом и гонореей, чтобы изучать их состояние. В обоих случаях оправдание находится просто: не разбив яиц, омлет не приготовишь. Однако, когда приносят нравственность в жертву научному прогрессу, зачастую остаются ни с чем.

Но дело не только в оправдании. Возникает вопрос: что придает уникальность преступлениям во имя науки? Когда нарушают закон обычные люди, они делают это ради

денег, ради власти или руководствуясь какими-то грязными побуждениями. Только ученые совершают подлости ради информации – для расширения наших представлений о мире. Конечно, мотивы многих преступлений, описанных здесь, сложные и неоднозначные; человек – подлая натура. Но прежде всего эти преступления совершались из фаустовской жажды познания. Например, общественное табу на препарирование человеческих тел вынудило многих анатомов 1800-х годов платить деньги определенной публике за опустошение могил. Чтобы получить знания, к которым они так страстно стремились, приходилось и самим пойти по скользкой дорожке. Некоторые анатомы сами занимались гробкопательством или покупали трупы у убийц. Они были настолько увлечены своими исследованиями, что все остальное для них не имело значения, и они постепенно утрачивали человеческие качества.

Но эти истории – не просто старинные страшилки, с которых смахнули пыль, чтобы поугаать школьников. Современная наука до сих пор разбирается с их последствиями. Возьмите исследования, связанные с работорговлей. Многие экспонаты, собранные благодаря данному явлению, стали ядром ныне знаменитых музеев и остаются в витринах до сих пор. Такие музеи не возникли бы без работорговли, а это означает, что наука и рабство спустя столетия сплетены между собой. Или рассмотрим эксперименты, которые нацистские медики проводили над узниками лагерей во время Второй

мировой войны. Например, они опускали людей в ванны с ледяной водой, изучая гипотермию. Варварские методы, от которых люди гибли или оставались калеками. Но в отдельных случаях это единственные имеющиеся на сегодня данные о том, как возвращать людей к жизни в экстремальных условиях. Что мы должны делать с этической точки зрения? Отмахнуться от этого опыта или использовать его? Каким образом мы лучше почтим память невинных жертв? Зло может поднимать вихри в научном поле и спустя много лет после смерти злодеев.

Эта книга не только ворошит прошлое. Здесь есть и современные истории, которые произошли на памяти живущих ныне поколений. А в приложении описываются поразительные преступления будущего. На какие темные дела подвигнутся ученые грядущих веков? Можно предположить, что произойдет, например, в случае колонизации Марса и других планет, если вспомнить о преступлениях во время полярных экспедиций, где гнетущий ландшафт и настоящая борьба за выживание могут сводить людей с ума. В других случаях прецедентов нет. Каких новых преступлений следует ждать, когда во всех наших домах появятся программируемые роботы-компаньоны или когда весь мир захлестнет экономичная и вездесущая генная инженерия?

В целом эта книга – сплав драматизма научных открытий с нездоровым возбуждением от историй реальных преступлений. Сюжеты представляют события от первых шагов на-

уки семнадцатого века до высокотехнологичных преступлений завтрашнего дня и охватывают все уголки планеты. Если быть честными перед собой, придется признать, что все мы когда-то падали в кроличью нору одержимости или обходили правила, стремясь к желанной цели. Но мало кто из нас изведal такую глубину падения, как злодеи из книги «Во имя Науки!». Мы склонны думать о науке как о прогрессивной силе, несущей в мир добро. Обычно так оно и есть. Обычно.

1. Пиратство: биолог-буканьер

Судья опустил молоток, и Уильям Дампир склонил голову от стыда. Один из самых уважаемых ученых своего времени стал осужденным преступником.

Это произошло в июне 1702 года, а поскольку суд был военно-морским, заседание состоялось на борту корабля, под соленым морским бризом. Все понимали, что большинство обвинений, выдвинутых против Дампира, безосновательны. Обвинение в убийстве выглядело сомнительным, а обвинения в некомпетентности как навигатора были и вовсе смешотворны: он был лучшим мореходом современности, всемирно признанным специалистом по ветрам, течениям и погоде. Но по ходу судебного заседания Дампир, мужчина с длинными спутанными волосами, мешками под глазами и обреченным выражением лица, почувствовал, что суд настроен каким-то образом наказать его хоть за что-то. Так и произошло: судьи признали его виновным в избиении тростью своего помощника во время последнего плавания и объявили «недостойным для исполнения должности командира любого из кораблей Ее Величества». Его приговорили к штрафу в размере трех годовых жалований и отчислили из флота.

Разбитый и озлобленный, Дампир нетвердой походкой покинул борт корабля. Как он мог докатиться до такого? Он был величайшим натуралистом своего времени, таким, что

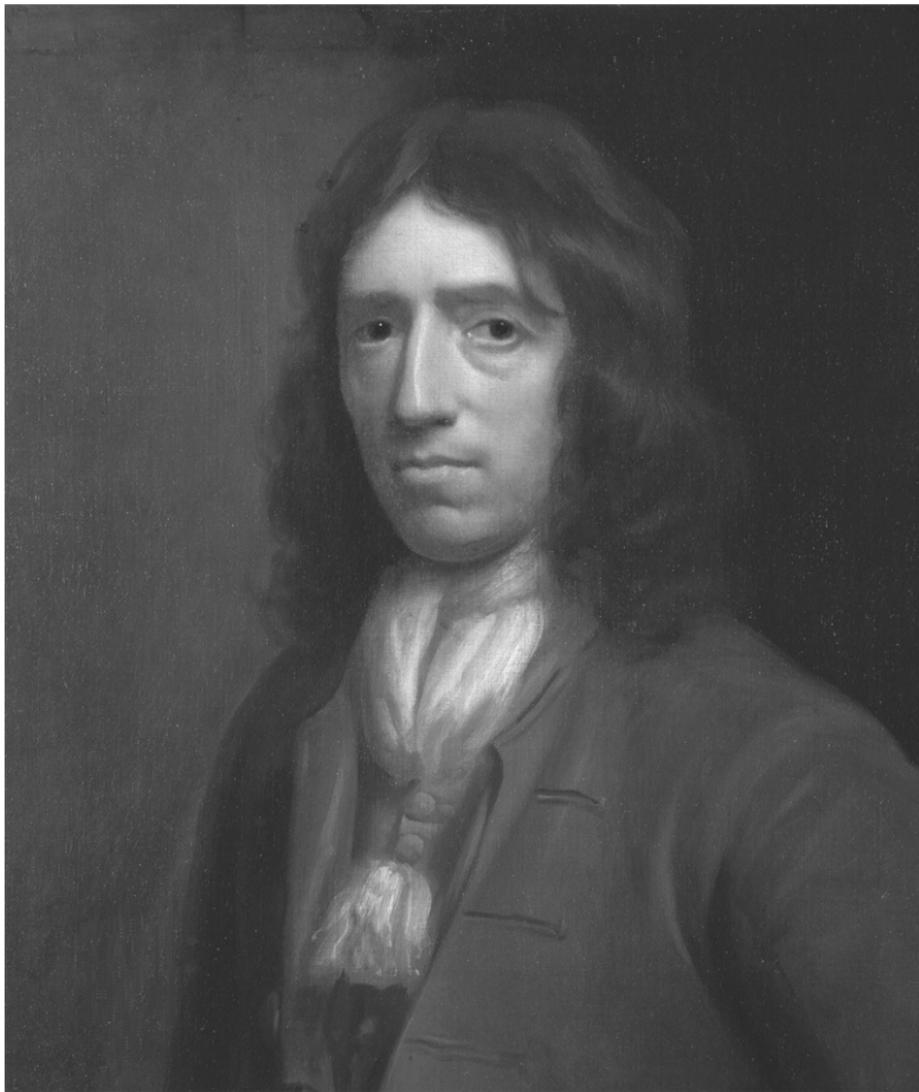
Чарлз Дарвин позже считал себя его учеником.

Сенсационные путевые очерки Дампира повлияли на появление книг «Робинзон Крузо» и «Путешествия Гулливера». Однако, несмотря на все свои достижения, Уильям Дампир в глазах власть имущих навсегда останется повинен в одном. Он был блестящим ученым и мореплавателем. Этого у него не отнять. Но большую часть своей сознательной жизни он также был пиратом.

Учитывая два обстоятельства – крайнюю бедность и одержимость биологией, – обращение Дампира к пиратству было, наверное, неизбежным. Он стал сиротой в четырнадцать лет, устроился юнгой на корабль, побывал на Яве и Ньюфаундленде, но попытка поступить во флот не удалась. В апреле 1674 года, в возрасте двадцати двух лет, он все-таки попал на Карибы. Поболтавшись некоторое время по островам, он осел в заливе Кампече, на востоке Мексики, и стал зарабатывать на заготовке кампеша – местного не очень крупного дерева, из сердцевины которого добывали великолепный краситель алого цвета. Позже Дампир описывал лесорубов

как «пестрый сброд», склонный «пьянствовать и палить из ружей по три-четыре дня кряду <...> они не собирались подчиняться никакой гражданской власти и наслаждались своей вольницей». Дампир, вероятно, пьянствовал вместе с ними, но и не отказывал себе в удовольствии совершать длительные прогулки по берегам залива Кампече и с восхищением наблюдать животных, о которых раньше мог слышать только в легендах, – дикобразов и ленивцев, колибри и броненосцев. Для человека, любящего естествознание, это был настоящий рай.

Пират-биолог Уильям Дампир, оказавший большое влияние на Чарлза Дарвина. Он же бродяга и прохвост. Портрет работы Томаса Мюррея (больше иллюстраций ко всем

главам доступно по адресу: samkean.com/books/theicepick-surgeon/extras/photos).

Проблемы у него начались в июне 1676 года, в один из тех роскошных дней начала лета, когда работу на природе можно считать почти подарком. Пока остальные лесорубы нежились на солнце, Дампир обратил внимание на необычно резкие изменения направления ветра. «Восточный ветер сменялся на южный, а затем снова на восточный».

Потом все заметили над головой массу фрегатов. Эти птицы зачастую сопровождают корабли, идущие к берегу, и многие посчитали их появление добрым знаком: возможно, подвезут припасы. Но Дампир нахмурился. Стая по размерам и энергичности была вполне хичкоковской, словно птицы от чего-то спасались. Однако самое странное происходило с местным ручьем. Наводнения были частью жизни в Кампече; люди порой по утрам вставали с постелей буквально в лужи болотистой воды. Но в этот день ручей стал загадочным образом иссякать, словно воду высасывали через гигантскую трубку, и русло почти пересохло.

Через два дня после этих знамений небо заволокли тяжелые черные тучи, и начался ад. Никто из лесорубов не мог даже вообразить шторм такой силы. Дождевые капли жалили, словно шершни, слепили глаза, порывами ветра сносило хижины одну за другой, пока не осталось лишь одно убежище. Люди с трудом пробрались туда через потоки воды и грязи

и, перекрикивая рев бури, попытались укрепить последнее укрытие с помощью деревянных столбов и веревок, накинув их на три высоких пня. Укрытие едва выстояло. Вымокшие, продрогшие лесорубы, сгрудившись, провели там несколько часов, а затем увидели вокруг себя совершенно иной мир. Повсюду лежали поваленные деревья, вывернутые корни создавали непроходимую преграду. Дампир с несколькими лесорубами разыскал единственное уцелевшее каное. Они вышли в залив и увидели, что море полно мертвой рыбы, плавающей кверху брюхом. Из восьми судов, стоявших на якоре в бухте несколькими часами ранее, все, за исключением одного, унесло в море. Лесорубы попросили экипаж уцелевшего судна поделиться провизией, но, как вспоминал Дампир, «получили очень холодный прием. Нам не досталось ни хлеба, ни пунша, ни даже ящика рома».

Кинематографическое описание Дампиром этой бури было первым метеорологически подробным отчетом об урагане, и оно положило начало его увлеченности изучением ветров и погоды, которую он сохранил на всю жизнь. Но в ближайшей перспективе буря имела судьбоносное значение для него лично. Все инструменты лесорубов – топоры, пилы, мачете – смыло бесследно. У Дампира не было денег, а при отсутствии орудий труда – и возможности их заработать. В итоге, как он писал позже, «для поиска средств к существованию я был вынужден изменить образ жизни». Это эвфемизм. «Изменить образ жизни» – означало податься в бука-

ньеры.

В те времена буканьеры были отдельной пиратской кастой¹. Среди пиратов были так называемые приватиры, или каперы, которые имели негласное разрешение от правительств своих стран нападать на вражеские корабли. Английские приватиры атаковали преимущественно испанские суда, и во многих домах англичан на Карибских островах можно было встретить шелка, оловянную посуду или изящные резные кресла, предназначенные изначально для Барселоны и Мадрида. Приватирство считалось терпимым, если не достойным занятием. У буканьеров не было никакого разрешения на грабежи. Они были обычными преступниками, и правительства их стран, равно как и противников, относились к ним с одинаковым презрением. Буканьеры, к которым прибился Дампир, стояли еще ниже на социальной лестнице, поскольку нападали в основном не на корабли, полные сокровищ, а на жалкие маленькие прибрежные поселения, грабя людей практически таких же, как они сами.

Мы не знаем, что делал Дампир во время этих налетов, поскольку в дневниках он опускает подробности, возможно,

¹ Период конца 1600-х – начала 1700-х годов стал расцветом пиратства не случайно. Незадолго до этого в Европе закончилось несколько продолжительных войн, а это означало, что множество опытных моряков оказались без работы. Они, конечно, могли служить во флоте, но многих раздражала принятая там суровая дисциплина. Кроме того, по океанам перемещались огромные богатства, и все эти обширные пространства почти никак не контролировались. Было бы очень странно, если бы пираты этим не воспользовались. (*Прим. авт.*)

испытывая неловкость. Но у него еще была привычка отвлекаться на естествознание. Например, описывая налет на Веракрус, он уделяет буквально несколько слов гибели десятка своих компаньонов и вообще умалчивает о том, что налет завершился ничем: завидев приближение пиратов, жители, захватив все свои ценности, покинули город, и мародеры остались с пустыми руками. Вместо этого Дампир подробно описывает десятки оставленных клеток с попугаями, которые он со спутниками забрал на корабль как законную добычу. «Они были желтыми и красными, – восхищается он. – Все попеременно, и очень мило щебетали». Нет трофеев – не важно; попугаи были для него тоже сокровищем.

В 1678 году Дампир вернулся в Англию и загадочным образом женился на даме по имени Джудит, фрейлине какой-то герцогини. Стремясь встать на путь истинный, он использовал приданое, чтобы приобрести кое-какие товары, и в январе 1679 года вновь отправился на Карибы, намереваясь продать их, пообещав супруге в течение года вернуться. Обещание он не сдержал. Через несколько месяцев после прибытия он нанялся на торговое судно, идущее в Никарагуа. По пути корабль зашел в порт на Ямайке, притягательное место для всякого сброда. Позже Дампир утверждал, что был потрясен – потрясен! – когда экипаж решил присоединиться к неким пиратам и заняться буканьерством. На самом деле некоторые историки полагают, что Дампир прекрасно знал, что на Ямайке найдет пиратов, и отправился туда с конкрет-

ной целью – вернуться в открытое море.

И на это у него имелись причины. Конечно, как любой человек в истории, Дампир жаждал обогащения, и всегда был шанс, что шайка буканьеров наткнется на испанский галеон, набитый дублонами, и добудет сокровища. Но была причина и глубже: Дампир не мог забыть Кампече, свои прогулки по лесам с их экзотической флорой и фауной, дни, проведенные в дикой природе. И пиратство казалось единственным способом вернуть эти ощущения. Разумеется, пиратство – грязный бизнес с нападениями и убийствами. На протяжении многих лет Дампиру довелось видеть, как закалывали кинжалами священников, выбрасывали за борт бунтарей, расстреливали и пытали индейцев-aborигенов... Нет никаких оснований думать, что Дампир оставался в стороне или его тошнило от соучастия. Но Кампече разбудил страсть к естествознанию, почти эротичную по своей интенсивности, и, сколь бы он порой ни сожалел о своем участии в буканьерстве, жажда видеть новые земли, новые небеса, новые растения и животных оказалась сильнее. Он вспоминал, что «был вполне доволен», несмотря ни на что, «понимая, что чем дальше мы идем, тем больше знаний и опыта я могу набраться, а это главное, что для меня имело значение».

Дампир присоединился к пиратам в качестве штурмана-навигатора, и последующее путешествие оказалось хаотичным приключением, в котором он поменял несколько кораблей и экипажей, – точно перечислить их сейчас невозможно. Они начали с нападений на города в Панаме, потом отправились в Вирджинию, где Дампир по неизвестной причине был арестован; он характеризует этот инцидент просто как «проблемы». Путешествие продолжилось на тихоокеанском побережье Южной Америки, включая Галапагосские острова.

Время от времени команде доставалась приличная добыча: рулоны шелка, тюки корицы или мускуса. Однажды они захватили восемь тонн мармелада. Но гораздо чаще галеоны ускользали от них в открытом море, и пиратам приходилось отступать и искать новую жертву. Бывало, они устраивали изнурительную осаду какого-нибудь прибрежного городка, после чего выяснялось, что жители успели увести у них из-под носа все мало-мальские ценности, и буханьеры оставались с пустыми руками.

Дампир и его команда едва не погибли во время яростного

шторма по пути в Индонезию (гравюра Каспара Луйкена).

В Южной Америке состояние сколотить не удалось. «У нас не было ничего <...> кроме усталости, невзгод и лишений», – вспоминал Дампир. Порой им приходилось пить воду «с привкусом меди или глины» из «вонючих углублений в камнях» и ночевать на открытом воздухе, имея лишь «холодную землю в качестве ложа и звездный небосвод для укрытия». Однажды, во время настолько сильного шторма, что экипаж побоялся поднять паруса, Дампир и один его спутник вскарабкались на такелаж и распахнули свои плащи под ветром, чтобы хоть как-то управлять судном.

В надежде на удачу экипаж решил отправиться на Гуам – в неизведанный путь протяженностью более чем семь тысяч миль по открытому морю. Они высадились на берег лишь через пятьдесят один день, едва не умирая от голода. Дампир позже понял, что, сложись ситуация немного хуже, экипаж мог склониться к убийству и съесть капитана и его помощников, в том числе и его самого. (Капитан оценил новость с изрядной долей юмора. Обращаясь к штурману, он рассмеялся: «Дампир, от тебя-то им мало проку!» Дело в том, что, как пояснял Дампир, «я был тощим, а капитан – здоровым и упитанным».) С Гуама экипаж совершил вылазки в Китай и Вьетнам, а Дампир позже стал первым англичанином, ступившим на австралийскую землю. Помимо исследования флоры и фауны при каждой стоянке Дампир ис-

пользовал свободное время в открытом море для изучения ветров и течений, став первоклассным навигатором. Даже те, кто относился к нему с презрением, вынуждены были признать, что он обладал почти сверхъестественной способностью по направлению ветра и течения определять, где находится земля за горизонтом.

За время своих плаваний Дампир несколько раз сменил корабли, присоединяясь к разным командам. Порой смены происходили по-дружески, без обид – Дампир просто хотел побывать в каких-то новых местах: «Ни одно предложение увидеть какую-то часть света, где я никогда не бывал, не казалось мне неуместным». В иных случаях Дампир, чувствуя ухудшение обстановки, сбегал от деспотичного капитана. Однажды ему пришлось глухой ночью просто выскользнуть в иллюминатор. При таких побегах он обычно прихватывал с собой только одно – то, что представляло для него самую большую ценность на свете, – свои походные записки о природе.

Последний побег, в южной части Тихого океана, оказался весьма обескураживающим. Страстно желая вернуться домой, Дампир с несколькими товарищами, включая четверых заключенных индонезийцев, перебрались на остров и добыли себе каноэ. В первой вылазке на свободу лодка перевернулась, и Дампир трое суток сушил свои записки над костром, страницу за страницей. Во время второй попытки лодка попала в шторм, и спутники провели шесть суток в

открытом море, налегая на весла и вознося молитвы. «Море уже ревет, и белая пена окружает нас <...> и каждая волна грозит поглотить наш утлый ковчег», – вспоминал Дампир. Хуже всего то, что он много лет не был на исповеди, и груз множества грехов тяготил его душу. «Я предавался очень печальным размышлениям <...> и оглядывался с ужасом и отвращением на поступки, которые раньше мне просто не нравились, а сейчас я содрогаюсь от одних воспоминаний о них». Чудесным образом они добрались до суши, оказавшись на острове Суматра, где Дампир просто рухнул и провел шесть недель, восстанавливая силы. Затем, пересаживаясь с одного корабля на другой, в сентябре 1691 года он оказался в Лондоне. Прошло двенадцать лет с тех пор, как он пообещал супруге вернуться через двенадцать месяцев.

Как фрейлина, Джудит весьма неплохо все эти годы жила своей жизнью без мошенника-мужа. Но пирату теперь нужно было зарабатывать на жизнь и искать новые источники дохода. Поскольку вариантов у него было немного (нельзя же в резюме просто указать «буканьер»), Дампир начал перерабатывать свои путевые записки в книгу. То, что тетради пережили все эти путешествия, – само по себе чудо. Несколько раз их заливало водой, однажды ему пришлось заталкивать их в стволы бамбука для сохранности. Но усилия оказались оправданны². В 1697 году вышло из печати «Новое путеше-

² В наши дни мы принимаем записки такого рода как данность, но Дампир не мог просто взять ручку и начать писать. Каждый раз, когда он встречал нечто

ствие вокруг света», которое произвело большое впечатление как одна из ярчайших работ по естественной истории и антропологии своего времени.

После пребывания на Суматре Дампир сделал первое описание вещества «ганга», или марихуаны, на английском языке: «Одних это клонит в сон, у других вызывает веселье и приступы безудержного смеха, а кто-то впадает в бешенство». Он описал обряд массового обрезания у двенадцатилетних филиппинцев и то, как «они последующие две недели ходят враскоряку». Он описал татуировки в Полинезии и бинтование ног в Китае (которое объяснил простой «уловкой» мужчин в отношении женщин, чтобы те не покидали дом). Услышав в Вест-Индии одну легенду, он за раз съел дюжину маринованных груш и с удовольствием обнаружил, что они действительно окрашивают мочу в красный цвет. В Оксфордском словаре английского языка приводится почти тысяча цитат из его текстов. Он ввел в английский язык такие слова, как *banana* (банан), *posse* (банда), *smugglers* (контрабандисты), *tortilla* (тортилья), *avocado* (авокадо), *cashews* (кешью) и *chopsticks* (азиатские палочки для еды).

достойное описание, он должен был достать из рундука под кроватью большое птичье перо, заострить его ножом, из порошка и воды приготовить чернила, найти место, где не слишком темно или сыро и где не толпятся буйные матросы, – и все это ради того, чтобы написать несколько слов. Сделав запись, нужно было посыпать листок песком, чтобы убрать излишек чернил, иначе все расплывется, а затем спрятать подальше и надеяться, что корабельные черви не сожрут бумагу. Писать никогда не было легко, но в те времена это был настоящий *труд*. (Прим. авт.)

Но его книга и серьезный научный труд. Даже в наши дни Дампир остается непревзойденным наблюдателем природы. По сравнению с ним другие описания флоры и фауны кажутся безжизненными – как чучело льва со стеклянными глазами на фоне настоящего рыкающего, готового к прыжку зверя. Живость описаний отчасти объясняется тем, что Дампир использовал все пять чувств, включая вкус. Не было ни одного животного, которого он бы не ел. Языки фламинго, например, писал он, «имеют большое жировое утолщение у корня, которое просто превосходно; блюдо из языков фламинго достойно стола принца». Он готовил мясо морской коровы, суп из игуаны и клецки на черепашьем жире, а также десятки других эксцентричных блюд. Но если у читателя начинали течь слюни, Дампир мог так же быстро отбить всяческий аппетит. В одном отвратительном сюжете он описывает, как вскрыл кисту у себя на ноге и медленно, дюйм за дюймом извлекал поселившегося там склизкого червя. Или со всеми подробностями – заранее прошу прощения – делает одно из самых эпических описаний приступа диареи, известных в анналах английской литературы. Все началось с поиска средства от лихорадки, и его уговорили принять местное «снадобье», чтобы прочистить кишки. Идея оказалась неудачной. В течение года он то и дело бегал в отхожее место, а иногда за один присест выдерживал тридцать дефекаций, пока уже не воспалилась вся задница. Никто не говорил, что работа в полевых условиях – это наслаждение.

Одним из наиболее характерных для Дампира можно считать его рассказ про нападение аллигатора. Начинается он с описания различий между аллигаторами и крокодилами. В эпоху, когда большинство ученых еще считали китов рыбами, способность подметить столь тонкие различия произвела большое впечатление и не показалась бы неуместной в современной книжке по герпетологии. Затем все меняется. Без какого-либо перехода Дампир начинает рассказывать о ночной охотничьей вылазке в Кампече. Он пишет о том, как один ирландец по имени Даниэл наткнулся на аллигатора и тот схватил его за ногу. Парень стал звать на помощь. Но его спутники, пишет Дампир, «решили, что он попал в лапы каких-то испанцев», испугались, убежали и бросили его в темноте на съедение хищнику.

Даниэл удивительным образом сохранил хладнокровие и решил бороться. У рептилий, в отличие от млекопитающих, нет губ, и они не умеют жевать. Они рвут добычу на части и вынуждены широко разевать пасть, чтобы забросить кусок глубже в глотку. Когда хищник в очередной раз раскрыл пасть, Даниэл метнулся вперед и всунул аллигатору в зубы свое ружье. Тот, не заметив подмены, мотнул головой, дернул ружье, чтобы проглотить его, а Даниэл высвободился.

На адреналине парень сумел вскарабкаться на дерево и снова стал кричать, призывая на помощь. Его товарищи, осознав, что никаких испанцев поблизости нет, вернулись с горящими факелами и отогнали аллигатора. Дампир далее пи-

шет, что Даниэл «оказался в плачевном состоянии и не мог стоять на ногах. Колено было разодрано зубами аллигатора. Его ружье нашли на другой день <...> с двумя большими мятинами на прикладе с обеих сторон, каждая по дюйму глубиной». В общем, вот классический Дампир – ученый, скрупулезный и пугающий одновременно.

Некоторые историки утверждают, что «Новое путешествие...» положило начало целому жанру описания путешествий. После публикации Дампир получил приглашение выступить в престижном лондонском Королевском обществе – лучшем научном клубе мира. Неплохо для буканьера. Он даже присутствовал на ужине с некоторыми выдающимися государственными деятелями, включая Сэмюэля Пипса, автора знаменитого впоследствии дневника. Важным персонам, разумеется, хотелось поговорить о естествознании, но кое-кто, несомненно, испытывал отдельное удовольствие оттого, что с ними за одним столом сидит настоящий пират.

Книга имела успех, и в 1699 году Дампир опубликовал продолжение «Нового путешествия...», куда вошло, в частности, эссе «Рассуждение о ветрах», которое позже такие капитаны, как Джеймс Кук и Горацио Нельсон, считали наилучшим практическим руководством по мореходству. Эссе стало значительным вкладом в изучение ветров и течений. Двое современников Дампира, Исаак Ньютон и Эдмунд Галлей (прославившийся кометой), незадолго до этого опубликовали трактаты о природе течений и штормов соответствен-

но. В эссе Дампира говорилось о том, откуда берутся ветра и течения. Таким образом, трое ученых одним махом раскрыли многовековую тайну океана и циклического движения воды по земному шару. Обычно мы не включаем пиратов в одну компанию с Галлеем или сэром Исааком, но Дампир оказался вполне равен им в этой области.

Может показаться странным, но в момент публикации второй книги Дампира уже не было в Англии. Первая публикация принесла ему совсем немного денег – отчасти потому, что в то время не существовало закона об авторском праве и основная прибыль доставалась, как это ни смешно звучит, литературным пиратам. Дампиру по-прежнему нужно было зарабатывать на жизнь. Более того, он просто жаждал оставить позади свое пиратское прошлое и утвердить себя как уважаемого ученого. Президент Королевского общества представил Дампира первому лорду Адмиралтейства, который предложил бывшему буканьеру должность капитана военного корабля «Робак» (Roebuck) и руководство экспедицией в Новую Голландию (современная Австралия). Несмотря на любые сомнения, которые у него могли быть по поводу возвращения на флот, Дампир согласился. Частью миссии было выяснение возможности коммерческих отношений с антиподами. Но главная задача была научной. Ему предстояло возглавить первую в истории подлинно научную экспедицию. Более благородной миссии и представить было нельзя. Но под управлением Дампира она с самого начала

обернулась катастрофой.

Дампир был в чем-то схож с Генри Торо: невероятный ворчун, получавший наслаждение от природы и постоянно недовольный своим человеческим окружением. Он еще отличался поразительным высокомерием. На пиратских кораблях, с которых начинал Дампир, обычно царил удивительно демократический дух. На некоторых даже были приняты рудиментарные нормы медицинской страховки со скользящей шкалой компенсаций за утрату глаз и конечностей³. Однако Дампир стремился дистанцироваться от своего прошлого и на борту «Робака» положил конец всякому панибратству. Он решил, что умнее всех во всех вопросах, как научных, так и

³ Пираты получали по 600 реалов за потерю правой руки, 500 – за потерю левой руки или правой ноги, 400 – за левую ногу, 100 – за потерянный глаз или палец. Это все было прописано в официальных документах, поскольку удивительно большое количество пиратов (примерно три четверти) умели читать, в основном потому, что нужно было уметь разбираться в картах. Пираты также проводили голосование по поводу того, куда отправляться на очередной грабеж (побеждало простое большинство). На удивление демократично было организовано и питание. Питались все поровну, и, в отличие от снобистского флота, командиры не могли шакалить, выбирая лучшие куски. (Прим. авт.)

прочих, но не имел ни такта, ни политического чутья, чтобы унять недовольство, которое в связи с этим возникло.

Особенно это касалось отношений с офицерами. Первый помощник Дампира, лейтенант флота Джордж Фишер, презирал его как пиратское отродье. Он на каждом шагу твердил, что Дампир с умыслом заполучил должность командира «Робак» и займется пиратством, как только они выйдут в открытое море. «Робак» поднял паруса в январе 1699 года, и уже до того, как корабль добрался до первой промежуточной остановки (на Канарских островах, для пополнения запасов бренди и вина), между Дампиром и Фишером начались ссоры. Как сообщал один свидетель (в характерной для моряков грубой манере), Фишер «обзывал капитана последними словами, предлагал тому поцеловать себя в задницу и говорил, что на такое дерьмо плевать хотел».

В середине марта напряженность перешла в насилие. Как и множество жизненных проблем, все началось с бочонка пива. По морской традиции при первом пересечении экватора на борту судна откупоривается бочонок пива, чтобы экипаж мог немного освежиться в жаркую погоду. Команда Дампира слишком быстро управилась с бочонком. Послышались жалобы, что у них в глотках снова пересохло. Матросы упростили Фишера выкатить второй. Вместо того чтобы посоветоваться с Дампиром, как полагается по морским правилам, Фишер разрешил сам.

Это трудно назвать бунтом. Но Дампир уже был на гра-

ни. Ходили слухи, что Фишер собирается выбросить его за борт, чтобы скормить акулам. Демонстративный подрыв авторитета переполнил чашу терпения капитана. Увидев второй бочонок с пивом, он схватил свою трость, нашел бондаря, который открыл бочонок, и ударил его по голове. Затем подлетел к Фишеру и потребовал объяснений, почему он разрешил это. Прежде чем Фишер произнес слово, Дампир нанес ему сильный удар и в результате избил до крови. Затем приказал заковать лейтенанта в ножные кандалы и запереть в каюте на две недели. Фишер даже не мог воспользоваться галюном и вынужден был париться в собственных испражнениях. Когда корабль достиг Баии на бразильском побережье, Дампир приказал арестовать своего лейтенанта и посадить в тюрьму без еды.

Впрочем, если Дампир полагал, что тем самым выиграл битву, то он ошибался. Как только за Фишером захлопнулась дверь камеры, он высунулся в окно и стал кричать прохожим на улице, что его посадили незаконно, при этом понося Дампира на чем свет стоит. Позже он написал письмо английским властям, в котором представил пирата-ученого как тирана. Фишер только и думал, как уничтожить Дампира.

Дампир, напротив, чтобы отвлечься, с головой погрузился в изучение природы. Пока Фишер вынашивал планы мести, Дампир уходил в леса, окружающие Баию, и делал записи об индиго, кокосах и тропических птицах. Одна такая вылазка особо выделяется своей исторической значимостью. Пона-

блюдав в разных местах за несколькими стайками «длинноногих птиц», Дампир понял, что, несмотря на некоторые различия, птицы каждой стаи не настолько не похожи на других, чтобы их можно было считать отдельными видами. Это просто череда вариаций. И он придумал для такой ситуации новое слово – «подвид». Это может показаться незначительной находкой, но Дампир нащупал идею – о вариациях в природе и отношениях между видами. Именно ее позже развернет его поклонник Чарлз Дарвин в своем труде «О происхождении видов».

Вылазкам Дампира положила конец католическая инквизиция. Она не могла смириться с мыслью о том, что какой-то пират-протестант бродит везде, постоянно делает какие-то записи. Появились слухи, что церковь намерена арестовать его или даже отравить. Возможно, опасаясь оказаться в окопах рядом со своим первым помощником, Дампир поспешил поднять паруса. Но перед отплытием организовал отправку Фишера в Англию, где, как полагал, тот будет подвергнут унижительному суду за нарушение субординации. Дампир оказался прав лишь наполовину. Суд состоялся, и весьма унижительный, но не над Фишером.

В отсутствие Фишера напряженность на борту «Робака» спала. К середине августа экипаж достиг берегов Западной Австралии и высадился на сверкающе-белом песчаном пляже залива Шарк. Несколько недель они провели, наблюдая за динго, морскими змеями, горбатыми китами и прочими животными, – прекрасное начало для научной экспедиции.

Затем удача отвернулась от них. Австралия так же пустынна, как и безводна, и, сколько ни искал вдоль берега, экипаж «Робака» не смог найти источников пресной воды. Вскоре моряки начали страдать от жажды, поэтому решили установить контакт с аборигенами, которым, как они полагали, известны хитрые способы обнаружения воды (аборигены действительно это умеют, наблюдая за птицами и лягушками или подрубая корни деревьев). Но, как только моряки приближались к местным, те убегали. Дампир придумал отчаянный план. Незаметно пробравшись вдоль берега, он с двумя спутниками укрылся за песчаной дюной. Они планировали похитить одного из туземцев и заставить его показать путь к воде. Но при виде выскочивших из засады англичан туземцы пустились в бегство. Моряки погнались за ними, не сооб-

разив, что это ловушка. Как только Дампир и его спутники оказались на открытом пространстве, австралийцы развернулись и атаковали их с копьями. Один из спутников Дампира получил удар в лицо, и сам капитан едва увернулся от копья. Выстрелы в воздух вынудили туземцев отступить, а затем Дампир прицелился и ранил одного из своего пистоля. Это редкий момент в его книгах, когда он признается в совершении насилия⁴.

Поняв, что питьевой воды им здесь теперь никогда не найти, экипаж Дампира с позором покинул берега Австралии, но дальше дела пошли еще хуже. Дампир решил спасти экспедицию, проведя исследования на Новой Гвинее и собрав образцы флоры и фауны. Однако английский флот, как оказалось, доверил ему не самый надежный из своих кораблей.

⁴ Разумеется, Дампир провалил бы любой современный тест на гуманность; подобно всем людям того времени, у него были свои недостатки. Но его биограф характеризует его как «гуманного человека в не самое гуманное время», что многое объясняет. На самом деле, если у вас найдется время почитать его книги, обратите внимание на поразительную толерантность к чужим культурам. При любой встрече со странным (для него) обычаем или обрядом он никогда не торопится с суждением и всегда старается понять его. И он весьма жестко осуждал многих соотечественников. Например, он закатывал глаза, когда кто-то из офицеров отказывался брать в проводники пленную женщину смешанной расы, не доверяя ей просто потому, что она такая. Так что, вряд ли очень сознательный по современным меркам, для своего времени буканьер-биолог выглядит удивительно толерантным. Он признавал, что европейцы обычно сами провоцируют насилие: «По моему мнению, на свете нет людей настолько варварских, что готовы убить человека, случайно попавшего к ним в руки или пришедшего жить среди них, если только они не пострадали ранее от акта насилия, совершенного по отношению к ним». (Прим. авт.)

Корпус «Робака» протекал и был изъеден червями; вскоре он начал так скрипеть, что капитан отказался от первоначальной мысли и заспешил в Англию. Но корабль не вернулся на родину. У берегов острова Вознесения в южной Атлантике корпус «Робака» дал непоправимую течь. Опасаясь обвинений в потере корабля, Дампир пытался заделать дыры всем, что попадалось под руку, от кусков мяса до собственной пижамы. Но затычки не помогли. На острове Вознесения экипаж покинул корабль, и Дампир лишился практически всех экспонатов, которые успел собрать. Моряки провели пять недель на острове, наблюдая за тем, как в отдалении проходят корабли, не обращая на них никакого внимания. В конце концов у берега оказалась флотилия небольших судов, которая и забрала их.

Возвращаться в Англию без всех образцов, не говоря уж о корабле, было само по себе плохо. Но в августе 1701 года, оказавшись в Лондоне, Дампир выяснил, что Джордж Фишер резко настроил против него английское общество, обрушив на бывшего пирата такой град обвинений, что Адмиралтейство сочло необходимым подвергнуть Дампира военному суду и провести дознание по поводу потери корабля.

Дампир защищался как мог. Он собрал свидетелей, которые подтвердили, что Фишер замышлял бунт на корабле. Он не пренебрег и грязными методами, обвинив Фишера – никто не знает, насколько справедливо, – в содомии с двумя юнгами во время плавания (пираты в определенной степе-

ни терпимо относились к гомосексуализму, но на флоте это было категорически неприемлемо). Фишер, со своей стороны, заострил внимание на личности Дампира, заявив, что он трус и подлец. Он также выдвинул обвинение против Дампира в убийстве одного недовольного члена экипажа, на время запертого в каюте, хотя тот человек умер через десять месяцев после отбытия наказания. К чести судей, надо сказать, что они отвергли это и другие обвинения, в том числе в халатности, по которой затонул «Робак». Но они не могли стерпеть избиение тростью Фишера, офицера флота, и объявили Дампира виновным в «очень грубом и жестоком обращении» со своим первым помощником. В виде наказания ему запретили занимать должность командира любого корабля Королевского военного флота и назначили штраф в размере трех годовых жалований.

Уильям Дампир попытался стать уважаемым джентльменом, но из этого ничего не вышло. Он остался таким же нищим, как был, вдобавок изгоем в светском обществе. Сорокадевятилетнему натуралисту оставалось одно – вернуться к пиратству.

Время, в которое жил Дампир, может показаться весьма далеким от нас, но этические проблемы, которые он поднял, остаются актуальными и в наши дни. Во-первых, научное пиратство не закончилось в 1700-е годы. Более того, характер полевых исследований, которыми занимался Дампир, в известной степени сейчас представляет даже бóльшую опасность, чем несколько веков назад.

Множество натуралистов за эти годы погибли во время работы. Большинство стали жертвами малярии, желтой лихорадки и прочих болезней, но из тех, кого укусила ядовитая змея, затоптал слон, растерзал ягуар, кто погиб под оползнем или случайно отравился, тоже можно составить внушительный список. Ученых и убивали. В 1942 году британский биолог Эрнест Гиббинс, изучавший в Уганде заболевания, передающиеся через кровь, на своем автомобиле попал в засаду и был заколот воинами местного племени, которые решили, что он ворует у них кровь «для колдовства белого человека». Сотрудник полиции позже сказал, что «из тела торчали копыя, как иглы у дикобраза». С тех пор множество племенных войн и этнических конфликтов двадцатого века, подогреваемых глобальной торговлей оружием, во многих местах только повысили опасность полевых исследований. Дампир и его коллеги порой переносили тяжкие страдания, но ему хотя бы можно было не опасаться похищения вооруженными ополченцами ради выкупа в 6 миллионов, как произошло

в 1990-е годы в Колумбии с одним ученым, изучавшим рис. По этим причинам в наши дни многие исследовательские институты относятся гораздо сдержаннее к полным опасностей авантюрным полевым экспедициям, чем в прошлые годы.

Что касается научного пиратства, в этой области со времен Дампира тоже произошли изменения. Дампир стал пиратом исключительно для удовлетворения своих научных интересов – других способов посетить отдаленные земли у него просто не было. Напротив, работа ученых более позднего времени стала приобретать криминальный характер, поскольку заключала в себе похищение природных ресурсов – так называемое биопиратство.

В эпоху колониализма одним из самых востребованных товаров стал хинин – лекарство, добываемое из коричневой коры хинного дерева (цинхоны). Хинин, который принимали в виде порошка, запивая водой, помогал бороться с малярией – самой смертоносной болезнью в истории человечества (по некоторым оценкам, от болезней, переносимых москитами, умерла половина из 108 миллиардов человек, когда-либо живших на планете, и на малярию приходится наибольшая доля в этой бойне). Малярия была всемирным бедствием, от нее гибли люди в Африке и Индии, в Италии и Юго-Восточной Азии, но цинхона, к сожалению, росла только в Южной Америке. Поэтому европейские страны стали тайком отправлять ботаников в Южную Америку, чтобы раздобыть семена цинхоны. Это оказалось бесплодной зате-

ей. Самые ценные, богатые хинином виды произрастают на высоких, крутых склонах Анд, которые три четверти года обычно окутаны туманами. В итоге ни один из контрабандистов не добился успеха, а некоторые исчезли бесследно.

Первым, кто преуспел в этом деле, стал боливийский индеец по имени Мануэль Инкра Мамани. О нем известно очень немного. Слухи о том, что он – потомок царя инков, скорее всего, выдумка, но он мог принадлежать к роду целителей, сведущих в лекарственных свойствах растений. Во всяком случае, он мог неделями путешествовать по Амазонии, поддерживая силы почти исключительно листьями коки, и обладал сверхъестественной способностью в бескрайнем зеленом пологе джунглей высматривать мельчайшие алые пятнышки – характерный цвет листьев цин-хоны.

В 1865 году он собрал несколько мешков семян и отправился пешком за тысячу миль по морозному андскому высокогорью, чтобы доставить добычу некоему англичанину, который и поручил ему это дело. За это деяние он получил 500 долларов, двух мулов, четырех ослов и новое ружье. Дома его заочно приговорили к смерти за предательство родины. Жадный англичанин позже еще раз послал его в джунгли за новой партией семян, но на сей раз Мамани поймали и предъявили обвинение в контрабанде. Его бросили за решетку, лишили воды и пищи, жестоко избивали. Через пару недель его выпустили настолько изувеченным, что он не мог стоять прямо. Ослов у него забрали, а сам он через несколь-

ко дней умер.

Историки до сих пор спорят, можно ли оправдать преступление Мамани. С одной стороны, Перу и Эквадор прибрали к рукам важнейшее лекарственное средство и держали на него заоблачные цены, буквально наживаясь на смерти. Более того, они настолько неразумно использовали деревья, что к середине 1800-х годов цинхона оказалась на грани исчезновения. После Мамани несколько европейских стран благодаря семенам, добытым контрабандой, заложили несколько плантаций хинного дерева в Азии, что впоследствии спасло миллионы человеческих жизней по всему миру⁵. (Кстати, британские служащие в Индии употребляли кору как горький тонизирующий напиток, добавляя алкоголь для улучшения вкусовых качеств. Так родился джин-тоник.) С другой стороны, азиатские плантации подрывали и постепенно сводили на нет местную индустрию выращивания цинхоны в Южной Америке, что вело к обнищанию населения. Учитывая ценность цинхоны для медицины, один историк, не сильно преувеличивая, назвал это похищение «крупней-

⁵ Если вам нравятся истории про нацистов (честно говоря, любая история выглядит ярче при участии нескольких нацистских преступников), то приглашаю посетить мой подкаст, который называется *The Disappearing Spoon*. Там есть одна чертовски причудливая история. Я рассказываю о том, как несколько жуликов-нацистов во время Второй мировой войны спасли, пожалуй, больше американцев, чем кто-либо другой: в крайне сложное время они поставляли нам хинин. Вообще, в подкасте можно послушать все новые истории, те, которые не вошли в мои книги. Можно подписаться через iTunes, Stitcher или любую другую платформу или посетить мой сайт samkean.com/podcast. (Прим. авт.)

шим ограблением в истории». Это был колониализм в своем самом эксплуататорском виде. И это спасло бесчисленное количество жизней в Африке и Азии.

Другой случай биопиратства, кажется, оправдать сложнее. Одним из важнейших составляющих индустриализации был каучук, который добывали из сока некоторых деревьев, произрастающих в Амазонии. Без каучука и его производного – резины – не было бы шин для велосипедов и автомобилей, без резиновых трубок и пробок была бы невозможна современная медицина. Без резиновой изоляции для проводов у нас бы не было электричества. Но каучук оставался нишевым продуктом до 1876 года, когда британский исследователь Генри Уикхэм взломал бразильскую монополию, контрабандой раздобыв 70 000 семян каучукового дерева, которые были использованы для разведения плантаций в Азии. Мир в целом, безусловно, получил от этого пользу, но воровство семян для производства потребительских товаров выглядит менее этичным, чем воровство семян для производства лекарств. Следующий пример контрабанды выглядит еще более безнравственным. Речь идет о шотландском ботанике, который в 1840-е годы приехал в Китай, вырядился в местное одеяние, выбрил переднюю часть головы, остальные волосы завязал в хвост, проник на государственную плантацию и выкрал 20 000 наилучших чайных кустов для транспортировки в Индию. Трудно убедить себя в гуманитарной миссии чая «Эрл Грей».

Биопиратство продолжается и в наши дни. Миллиардеры в Китае выкладывают огромные суммы браконьерам за рог носорога и другие якобы приапические снадобья. Фармацевтические компании создают невероятно разрекламированные лекарства из змеиного яда и барвинка, из многих тропических растений, и очень редко деньги хотя бы частично возвращаются местным жителям, которые порой являются первооткрывателями их лекарственных свойств. И занимают этим отнюдь не только сверхбогачи; обычные люди по всему миру поддерживают обширный черный рынок экзотических цветов и животных. Даже притом, что нарушители больше не гонятся за дублонами и реалами, пиратский дух эпохи Дампира жив до сих пор.

В 1703 году Уильям Дампир смог сделать небольшую паузу. Началась очередная война между Францией и Испанией, и англичане решили прибегнуть к помощи приватиров, чтобы враги не чувствовали себя вольготно. Королева Анна знала, что Дампиру запрещено командовать кораблями флота Ее Величества, однако пригласила 51-летнего пирата на

аудиенцию. Дампир, как последний подхалим, льстил королевской особе как только мог – и вскоре получил назначение на корабль «Сент-Джордж» в качестве капитана.

Увы, плавание на «Сент-Джордже» обернулось очередными неприятностями. Члены экипажа обвинили Дампира в том, что он берет взятки (например, столовым серебром) у капитанов иностранных судов, которые он останавливал. За взятку Дампир проводил лишь поверхностный осмотр трюмов и отпускал их восвояси, не трогая сокровища. Пошли также слухи, что Дампир стал много пить, хотя это трудно поставить ему в вину. Он сутками мотался по морю, высматривая корабли на горизонте. Это было невероятно скучно, но, в отличие от своей прежней буканьерской практики, он не мог просто плюнуть и уйти в какой-нибудь отдаленный порт. На нем лежала ответственность, а невозможность удовлетворять свое научное любопытство наводила глубокую тоску. (Современные исследования показывают, что IQ напрямую связан с употреблением алкоголя, и это отчасти объясняет тот факт, что люди начинают пить больше, когда чувствуют невозможность интеллектуальной самореализации.) В 1707 году, когда плавание завершилось, репутация Дампира как капитана лежала в руинах, и ему больше никогда не довелось командовать кораблем.

Однако каким бы неудачным капитаном ни проявил себя Дампир, его блестящие способности навигатора остались при нем, и через несколько лет он в составе экипажа очеред-

ного приватира отправился в новое плавание, которое вписало яркую страницу в историю литературы. Путешествуя по Тихому океану, экипаж стал испытывать нехватку воды и страдал от цинги. Дампир указал путь к ближайшей земле, архипелагу Хуан-Фернандес, принадлежащему Чили. Подходя к одному из островов, они с изумлением увидели на берегу волосатое двуногое существо, размахивающее руками. Это был высадившийся на необитаемый остров моряк по имени Александр Селькирк. Он был одет в козьи шкуры и выглядел, как вспоминал один из очевидцев, «более диким, чем их первоначальные владельцы». Селькирк просуществовал на острове четыре года, четыре месяца и четыре дня – добывал коз, собирал дикую капусту, делал рыболовные крючки и ножи из обломков бочек, которые выбрасывало на берег. Ступни ног стали кожистыми, как шкура игуаны, а после четырех лет в одиночестве голос стал таким хриплым, что он едва мог говорить. Экипаж забрал его на борт и с триумфом вернул в Англию. История моряка вскоре вдохновила Даниэля Дефо написать роман «Робинзон Крузо».

Дефо оказался не единственным, кто обращался к жизни Дампира за творческим вдохновением. Джонатан Свифт воспользовался его историями для «Путешествий Гулливера», а Сэмюэл Тейлор Кольридж – для создания «Поэмы о старом моряке». Возможно, самый влиятельный, поклонник Дампира, Чарлз – Чарлз Дарвин – даже взял с собой его книги на борт «Бигля» в знаменательное плавание 1830-х го-

дов. Дарвин посмеивался над рискованными подвигами своего предшественника-пирата и называл его в своих записках «старинной Дампиром», но важнее то, что Дарвин изучал описания видов и подвидов, сделанные Дампиром, и размышлял над его характеристиками таких мест, как Галапагосские острова, практически используя его книги как путеводитель. Возможно, без старого пирата Дарвин никогда бы не стал Дарвином.

Но если авторы приключенческих романов и ученые всегда были готовы прощать Дампира, современные джорджи фишеры его терпеть не могут. В начале 1900-х годов в родном городе Дампира обсуждался вопрос о размещении памятной таблички в его честь. Один благочестивый гражданин заявил, что «этого пирата и негодяя давно надо было повесить» (sic!). Критики нашего времени идут еще дальше. Они заявляют, что научные достижения Дампира, сколь бы ни были значительными, просто прокладывали дорогу колониализму и, следовательно, являются преступлением перед человечеством.

Надо признать, и то и другое имеет смысл. Дампир был подонком и выдающейся личностью, мерзавцем и образцом для подражания. Его работы внесли вклад в развитие многих областей науки, существовавших в то время, – в навигацию, метеорологию, зоологию, ботанику, – и одновременно он совершал недостойные поступки. Как заметил один биограф, «Дефо, Свифт и все прочие обязаны Дампиру не толь-

ко как ролевой модели. Не погрешив против истины, можно сказать, что они обязаны этому человеку всем духом нового времени».

Увы, новое время принесло с собой новые злодеяния – в частности, рабство. На первый взгляд между наукой и рабством мало общего. Но они оказались важнейшими силами при формировании современного мира, историки начинают признавать их взаимовлияние – и с этим неприятным фактом нам приходится жить.

2. Рабовладение: падение энтомолога

В октябре 1771 года англичанин Генри Смитмен отправился в Сьерра-Леоне, имея все основания надеяться, что экспедиция окажется триумфальной. Ему было двадцать девять лет – прекрасный возраст для натуралиста: достаточно зрелый, чтобы иметь опыт, и достаточно юный, чтобы любить приключения. А с учетом того, какие в те годы привозили в Англию со всего света диковинные образцы флоры и фауны – орангутангов и жуков-голиафов, венерину мухоловку и «летучих кошко-обезьян» (т. е. белок-летяг), – у него были большие надежды, что и его в Африке ждут великие открытия.

Не теряя времени даром, Смитмен со своим помощником начал собирать коллекцию прямо на борту корабля, раскинув над палубой сетки, в которые попадали бабочки и саранча, занесенные ветром в море. Надо признать, большинство экземпляров вскоре были съедены муравьями и тараканами, коих водилось в избытке на их грязном судне с соответствующим названием «Флай» («Муха»). Однако всегда жизнерадостный Смитмен быстро придумал обходной маневр. Разложив образцы на бочке с ромом, он обнаружил, что испарения отпугивают паразитов. Он записал это в своем дневнике

как «полезный совет для натуралистов».

13 декабря «Флай» подошел к берегам Африки. Корабль бросил якорь на одном из островков архипелага Иль-де-Лос, в прибрежном центре торговли слоновьими бивнями и дровесиной. Смитмен описал эти места как «маленькие гористые острова, покрытые деревьями и кустарниками». Он мог быть вполне доволен: конец не самого комфортного плавания, начало научной работы. Но Смитмен почувствовал напряженность, уже сходя по трапу. Дело в том, что острова были далеко не только рынком предметов роскоши. Это были острова цепей и хлыстов – эпицентр атлантической работорговли.

Смитмен еще до того, как отправиться в плавание, знал, что фоном его экспедиции будет рабство. Он был убежденным противником рабства и, расписывая будущую поездку перед своими спонсорами, поклялся рассказать правду об «этом малоизученном и неверно представляемом народе – о неграх». Но даже при подобной установке он был потрясен, увидев своими глазами, что такое рабство.

После прибытия на Иль-де-Лос Смитмен с несколькими приятелями из числа пассажиров посетили работорговый корабль «Африка». Смитмен ощутил сильный удар по нервам, еще не поднявшись на борт. Он писал: «С некоторого расстояния до наших ушей донеслись смешанные звуки человеческих голосов и звяканья цепей. Это <...> вызывает у восприимчивого человека невыразимый ужас». Мужчи-

ны-рабы на палубе были обнаженными, возможно, из соображений гигиены, женщины – в одних набедренных повязках. Особенно взволновал Смитмена вид двух женщин, которые среди всего хаоса кормили своих младенцев грудью; он написал, что никогда не видел «такой скорби на человеческих лицах». Остальные члены его группы бродили по кораблю и оживленно переговаривались, словно на прогулке по саду, а Смитмен все оборачивался на этих матерей. «Они, несомненно, лили бы слезы, – добавил он, – если бы у них оставалась надежда на сочувствие или оставались какие-то силы. Меня охватили тысячи грустных мыслей, и я почти не принимал участия в общем разговоре».

Он также встретился с капитаном «Африки» Джоном Титлом. Титл был злодеем даже по стандартам работорговцев, и эта особенность через несколько лет стала причиной его ужасной смерти. Титл уронил за борт свою шляпу и приказал маленькому чернокожему мальчику прыгнуть за ней. Мальчик отказался – он боялся акул и не умел плавать. Титл вышвырнул мальчика за борт, и тот утонул. Если бы это был мальчик-раб, никто бы, скорее всего, даже не упрекнул капитана. Но Титл погубил сына местного вождя, который потребовал компенсировать утрату бочонками рома. Титл послал ему несколько бочек, но заполненных не ромом, а «содержимым из бадей, которыми пользовались рабы», вероятно, с экскрементами. Разъяренный вождь захватил капитана и заковал его в цепи. Затем он морил его голодом и под-

вергал жестоким пыткам, пока тот не испустил дух под торжествующие вопли местных, которых не в меньшей степени воротило от дерьма Титла.

Несмотря на репутацию Титла как садиста (а может, благодаря ей), работорговые компании с удовольствием вручали ему жизни своего «груза». «Африка» могла принять на борт порядка 350 рабов, но незадолго до прибытия Смитмена Титл затолкал в трюмы 466 душ и отправился на Карибы. В пути скончались восемьдесят шесть мужчин, женщин и детей.

К облегчению Смитмена, его экспедиция вскоре покинула Иль-де-Лос и отправилась к острову Банс, у материкового побережья Африки. Но и здесь нельзя было скрыться от рабства. Банс был странным, почти шизоидным местом, его описывали как наполовину невольничий порт, наполовину «загородное поместье», оборудованное даже полем для гольфа с двумя лунками. Форт был укреплен шестнадцатифутовыми стенами и пушками – неплохая защита от набегов пиратов типа Дампира.

Работорговцы на Бансе, всегда жадные до новостей из дома, прицепились к Смитмену и засыпали его вопросами. Если бы они были одеты как типичные работорговцы, они бы носили клетчатые рубахи и черные платки, повязанные вокруг шеи или на поясе. Смитмен несколько минут оживленно рассказывал им про Англию, но, как только его спросили о цели путешествия в Африку, он скис. Интерес Смитмена

к естествознанию вызвал гомерический смех. Как заметил один из работорговцев: «Сколько ни живи, всегда узнаешь что-то новенькое. Только подумать – кто-то может проделать путь в пару тысяч миль, чтобы ловить бабочек и травки собирать!» Некоторые стали открыто высмеивать Смитмена.

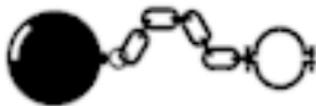
Он фыркнул и перестал с ними общаться, утешая себя тем, что он, в отличие от этих людей, которые приехали в Африку, чтобы продавать в рабство женщин и детей, прибыл сюда как ученый, чтобы продвигать науку на благо человечества. Он не имеет ничего общего с этими варварами.

Впрочем, оказалось, что такое превосходство поддерживать непросто. Направляясь в Африку, молодой натуралист не только стремился к чему-то, но и бежал от чего-то – от прежнего Генри Смитмена. Прежний был бедняком, безуспешно пытавшимся выбиться в люди, – тем, кого ему очень хотелось забыть и оставить в Англии навсегда. Эта экспедиция знаменовала собой дебют нового Смитмена – джентльмена-натуралиста. Сильно напоминая этим Уильяма Дампира, он считал, что наука – лучший способ создания для себя лучшей жизни. Отвергая работорговцев, он тем самым отвергал и их мораль, и их низкое положение в жизни.

Впрочем, в итоге стремление Смитмена утвердить себя как ученого оказалось сильнее его нравственных принципов. Он был против рабства, но оно настолько пронизывало всю экономику Сьерра-Леоне, что ему вскоре пришлось приобретать провизию и оборудование через тех же работоргов-

цев. А спустя некоторое время он занялся и более неприглядными вещами. И чем больше втягивался, тем больше чувствовал необходимость защищать своих торговых партнеров и, соответственно, себя самого. Это можно было предсказать: сработали базовые принципы психологической защиты. *Я хороший человек и никогда не буду иметь дело с плохими людьми. Следовательно, люди, с которыми я имею дело, не могут быть настолько ужасны.* Но путь рационального объяснения, на который ступил Смитмен, оказался гораздо более скользким, чем он мог представить.

На фоне всех злодеяний работоторговли нравственное падение одного энтомолога типа Смитмена вряд ли можно подать как трагедию (об этом можно было бы и не говорить, но, с учетом обвинений на эту тему, стоит подчеркнуть: жертвами здесь выступали африканцы, а не белые европейцы). Жизнь Смитмена достойна изучения, потому что его биография проливает свет на один важный аспект раннего периода развития науки, который упускается из виду большинством ученых – а именно, на тесное переплетение науки и рабства. Более того, история Смитмена показывает, насколько легко рабство могло извратить нравственные принципы даже самых искренних, действующих из лучших побуждений людей. Во время его пребывания в Сьерра-Леоне работоторговля была не фоном, а определяющим фактором жизни. И этот фактор мало-помалу, шаг за шагом исказил его нравственные принципы до неузнаваемости.

Рабство – явление столь же древнее, как сама цивилизация, но трансатлантическая работорговля в 1500–1800-е годы отличалась исключительной жестокостью. Называют разные цифры, но в результате войн и набегов по меньшей мере 10 миллионов африканцев попали в рабство, и примерно половина погибла по пути к портам или во время океанских плаваний. Но статистика не может передать зверства, творившиеся на кораблях, перевозивших невольников. Мужчины, женщины и дети в кандалах содержались в трюмах, где царили такая жара и вонь, что от человеческих испарений у тех, кто заходил туда, случались приступы рвоты. Малыши иногда натыкались на импровизированные нужники, падали и тонули там. Свирепствовали инфекции, и больных часто выбрасывали за борт, чтобы не заразить других (известно, что за кораблями с невольниками следовали акулы в поисках легкой добычи). За неповиновение рабов тоже бросали акулам или подвергали еще более жестоким карам. В 1720-е годы после одного неудавшегося бунта на борту капитан заставил двух зачинщиков убить третьего и съесть его сердце и печень.

Так почему же ученые присоединялись к этим кошмарам?

Из-за доступа. Европейские правительства время от времени финансировали научные экспедиции, но в ту эпоху подавляющее большинство кораблей, посещающих Африканский и Американский континенты, были частными, и ходили они преимущественно по так называемому золотому, или торговому, треугольнику. На первой части маршрута из Европы в Африку доставляли оружие и промышленные товары; оттуда везли рабов в Америку, и на последней трети в Европу попадали сахар, кофе, табак, красители и прочая экзотика. Помимо этих маршрутов шансы оказаться в Африке или Америке были ничтожны. Натуралисты, решившие попасть в эти земли, должны были договариваться с капитанами кораблей – работоторговцами. По прибытии они тоже оставались в широком смысле зависимы от работоторговцев: только они могли обеспечить продовольствие, снаряжение, местный транспорт, почтовое сообщение.

Натуралисты, которые оставались в Европе⁶, тоже получа-

⁶ Предпочитавших оставаться дома коллекционеров порой презрительно называли «кабинетными натуралистами», потому что они не знали реальных, живых растений и животных и порой делали абсурдные выводы. Например, в середине 1700-х годов в Европу впервые привезли с Папуа – Новой Гвинеи образец одного вида певчих птиц, который коллекционеры назвали «райской птицей» – как за богатое красивое оперение, так и за отсутствие лап. Они решили, что эта птичка никогда не садится на землю и всю жизнь проводит в полете, порхает в раю. На самом деле местные, поймавшие эту птицу, просто вырвали лапки, чтобы использовать для украшений. Ранки были незаметны под пушистыми пучками перьев. Затем местные передали тушки с оторванными лапками европейским натуралистам, от которых наверняка не ожидали подобной наивности. «Любовь к сверхъестественному и склонность к догадкам победили», – заметил один ис-

ли выгоду от работорговли. Во многих случаях они поручали сбор образцов членам экипажей торговых судов, преимущественно хирургам⁷, которые имели научную подготовку и много свободного времени на берегу – пока остальные занимались продажей рабов и закупкой товаров. Собранные экземпляры – страусиные яйца, змеи, гнезда, ленивцы, раковины, броненосцы – перевозились в Европу на невольничьих судах и в итоге занимали свои места в исследовательских институтах или частных коллекциях. Карл Линней – отец таксономии и один из самых авторитетных биологов в истории – опирался на такие коллекции, когда создавал свою монументальную *Systema Naturae* в 1735 году, труд, где была представлена система наименования «род – вид» (*Tyrannosaurus rex*, *Homo sapiens*), которой мы пользуемся по сей день. В целом такие коллекции были «большой наукой» своего времени – централизованными хранилищами, незаменимыми для научных проектов. И все они опирались на инфраструктуру

торик. Так рождалась научная мифология. (Прим. авт.)

⁷ Судовые врачи, вероятно, имели медицинское образование, но вряд ли разбирались в основах сбора экспонатов. Один лондонский коллекционер даже готовил специальные наборы для начинающих, куда входили кувшины для хранения насекомых и особая бумага для прессования растений. Он также составлял нетрадиционные письменные рекомендации для своих помощников. В частности, писал о важности обследования пищеварительного тракта хищников для поиска полупереваренных останков их добычи. «Когда поймаете одного из них, – наставлял он, – рассмотрите кишки и желудок и достаньте животных, которые там могут обнаружиться». На самом деле полезный совет и для нашего времени: в 2018 году ученые в Мексике обнаружили неизвестный вид змеи в желудке другой. (Прим. авт.)

и экономику рабства.

Тем не менее Генри Смитмен думал, что сумеет обойти это нравственное болото. Не известно ни одного портрета Смитмена, а одно из немногих сохранившихся его описаний весьма загадочно: «Высокий, худой, энергичный и очень интересный, но не красавец». Мальчиком он любил собирать ракушки и насекомых, но формальное образование оборвалось после того, как его наставник, викарий, покончил с собой. Смитмену приходилось заниматься изготовлением и обивкой мебели, он работал страховым агентом, продавцом спиртных напитков, репетитором. Молодой человек всюду терпел неудачи, и казалось, что у него нет никаких перспектив. Новая дорога в жизни открылась для него летом 1771 года, когда врач и ботаник по имени Джон Фотергилл объявил о подготовке естественно-научной экспедиции в Сьерра-Леоне. Фотергилл был квакером и убежденным противником рабства. Тем не менее он поступился принципами и направил Смитмена в рабовладельческую колонию, потому что в Сьерра-Леоне никаких других поселений не существовало – выбирать было не из чего.

Несмотря на собственные сомнения относительно рабства, Смитмен ухватился за предложение, потому что в те времена занятия наукой были уже проторенным путем в джентльменское общество. Одним из стимулов был социальный. Если ученый преуспеет, его могут избрать в престижное Королевское общество. Были и экономические стимулы.

Каждый из трех главных спонсоров Смитмена вкладывал по сто фунтов (12 000 долларов на сегодняшний день) в финансирование экспедиции. За это они могли забрать себе на сто фунтов образцов из тех, что он отправит домой. Все остальное Смитмен имел право продать для собственной выгоды. Подобные договоренности были не редкостью для честолюбивых молодых ученых из бедных семей. Восемьдесят лет спустя Альфред Рассел Уоллес, соавтор теории эволюции через естественный отбор, будет участвовать в подобном мероприятии в Малайзии⁸.

В январе 1772 года, через несколько недель после прибытия в Африку, Смитмен подобрал себе жилье на Банановых островах – кластере из двух с половиной песчаных отмелей у побережья Сьерра-Леоне (во время прилива там обычно три острова, а при отливе обнажается перешеек между двумя из них – таким образом, можно считать два с половиной). Здесь он провел несколько недель, приходя в себя после приступов малярии, а потом решил встретиться с губернатором островов, колоритным человеком по имени Джеймс Кливленд⁹.

⁸ Некоторые историки полагают, что именно работа в Малайзии подтолкнула его к самостоятельному открытию влияния естественного отбора на эволюцию. В конце концов, коллекционер по роду своих занятий имеет дело с тщательнейшим изучением тысяч жуков, различающихся по цвету, размерам и другим признакам, а вариации – это сырье, с которым работает естественный отбор. (*Прим. авт.*)

⁹ Отец Джеймса Уильям Кливленд был выходцем из уважаемой английской семьи. Брат Уильяма служил секретарем Адмиралтейства. Но Уильям был известным мошенником. В середине 1750-х годов, потерпев кораблекрушение

С благословения Кливленда Смитмен выстроил на острове большой дом в английском стиле с садом. Кливленд также обеспечил Смитмена женой. Юная женщина – по оценке Смитмена, лет тринадцати – была дочерью местного вождя. Смешанные браки такого рода были распространены в Африке, но Смитмен, в отличие от многих европейцев, пришел в восторг от своей жены. «Свадебная церемония была отмечена сотней выстрелов из пушек на берегу <...> и по этому случаю забили единственного на много миль в округе быка, – похвалялся он одному из своих спонсоров. – Моя маленькая Брюнетта со своей курчавой макушкой лежит в постели рядом со мной... Боже! Кажется, я люблю ее! У нее формы как у Венеры Милосской, с двумя маленькими, подрагивающими, танцующими холмиками на груди». Такое проявление нежности поразительно. Большинство европейцев желали от своих женщин секса, кормежки и ничего более.

Женитьба на дочери вождя означала для Смитмена, безусловно, покровительство и защиту. Это, в свою очередь,

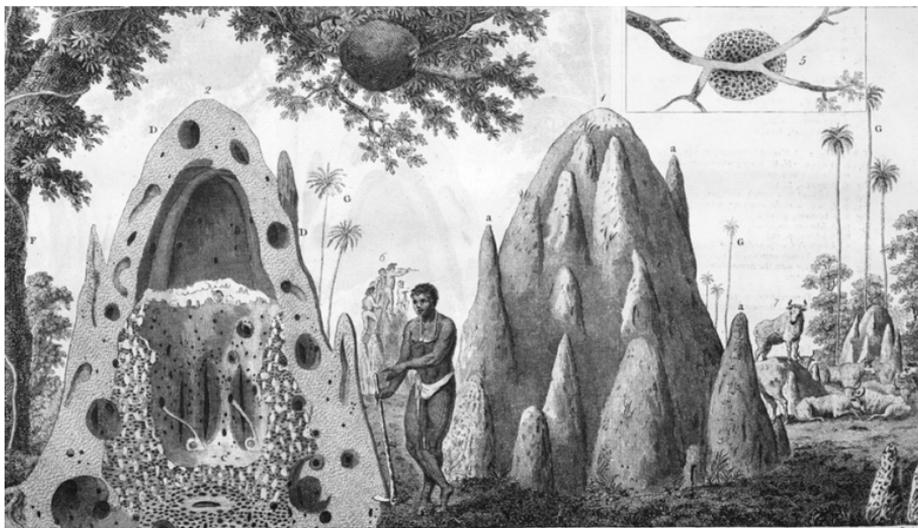
близ Банановых островов, он высадился на них и провозгласил себя королем. Здесь он взял в жены несколько местных женщин и со временем произвел на свет Джеймса, который организовал суровый бизнес в сфере работоторговли, хотя сам был наполовину африканцем. Ради хороших отношений с Кливлендом европейцы, жившие на его островах, вынуждены были постоянно снабжать его оружием, ромом, одеждой, железными орудиями, не говоря уж о таких мелочах, как золотая пряжка для ремня или декорированный рог для вина. Однажды Генри Смитмен заказал в Англии для Кливленда невероятно дорогую «электрическую машину», которая производила разряды (вероятно, благодаря трению) и приводила в действие стеклянный шар, изумляя окружающую публику. (Прим. авт.)

позволило ему набрать местных свободных африканцев в качестве проводников и начать научные экспедиции. В основном такие экспедиции представляли собой вылазки в окрестности и сбор растений и животных для отправки в Англию. Там их препарировали и классифицировали согласно таксономической системе Линнея – доминирующей парадигме того времени. Но Смитмен не ограничился только такой деятельностью и впервые занялся изучением экологии и поведения животных на примере легендарных термитников Западной Африки.

Эти холмы, которые местные называли «буга-баг», стоят на африканских равнинах, как маленькие вулканы. Крытые конусовидные сооружения могут достигать высоты в двенадцать футов. Созданные термитами всего лишь из грязи и собственной слюны, они настолько прочные, что выдерживают вес пяти взрослых мужчин и в свое время считались хорошим подспорьем для наблюдения за судами, входящими в гавань.

Для исследования термитников Смитмен со своими проводниками, вооружившись кирками и мотыгами, проделывали пробоины в глиняных стенках. Затем руками разгребали обломки и заползали внутрь, чтобы рассмотреть, как там все устроено. Делать все надо было очень быстро, потому что через несколько секунд после первых ударов начиналось угрожающее потрескивание – «более резкие и быстрые звуки, чем тиканье часов», вспоминал Смитмен. Это

был сигнал тревоги. Спустя мгновения из глубины появлялись стаи термитов и бросались в атаку. Укусы их очень болезненные, и босоногие проводники моментально спасались бегством. Европейцам поначалу было попроще, но термиты весьма быстро пробирались в обувь и вцеплялись в ноги, оставляя на белых носках мелкие кровавые следы (истинный ученый, Смитмен позже исследовал пятна и пришел к выводу, что в среднем каждый термит за каждый укус выпускает количество крови, равное его собственному весу). Смитмен вскоре на личном опыте слишком хорошо узнал боль от укусов различных насекомых, но терпение позволило ему в невероятных подробностях познакомиться с интерьером холмов буга-баг. На самом деле его описания читаются как учебник по архитектуре. Он упоминает башни, купола, ниши, катакомбы, воздушные перекрытия и готические арки. Он также предположил (правильно), что форма термитников действует как воздухопровод, закачивая свежий воздух и поддерживая постоянную температуру внутри. С энтузиазмом, хотя и несколько пренебрежительно, он заявляет, что любой термитник являет собой «образец старания и находчивости, так же превосходящий самые смелые амбиции человека, как собор Св. Павла превосходит индейскую хижину».

Один из проводников Генри Смитмена показывает замысловатое внутреннее строение огромного термитника. Обратите внимание на несколько человек, стоящих на термитнике на заднем плане (рисунок Генри Смитмена).

Сами термиты тоже вызывали у него восхищение. Смитмену, разумеется, это стоило искусанных рук, но в итоге он сумел залезть в термитник так глубоко, что добрался до «королевских апартаментов» и разглядел нелепую королеву термитов¹⁰. Она представляла собой маленькое тело, прикреп-

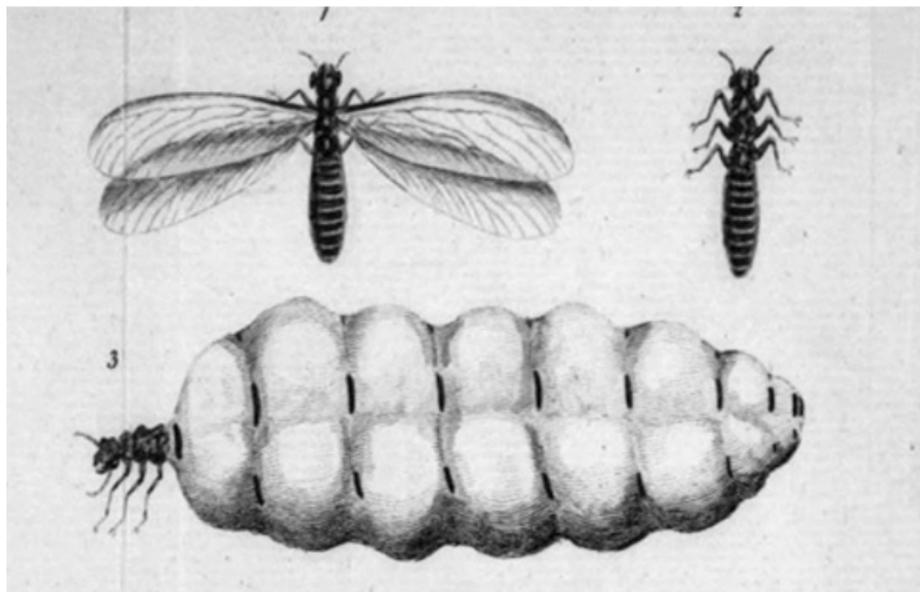
¹⁰ Аналогии порой помогают понять научные системы, но применять термин «королева» в отношении термитов, муравьев и пчел совершенно ошибочно. Эти королевы не являются «правителями» колонии ни в каком смысле. На самом деле жизнь королевы весьма жалкая. Создавая новую колонию, рабочие термиты возводят стены вокруг королевы, словно маленькую «королевскую палату», в ко-

ленное к пульсирующей яйцевой камере длиной примерно в три дюйма, из которой появляется восемьдесят тысяч яиц в сутки – почти по одному в секунду. (По его оценкам, вес королевы примерно в тридцать тысяч раз превышает вес ее подданного – это эквивалентно беременной женщине весом пять миллионов фунтов.) Другие термиты не менее паразитичны. В одной из камер Смитмен обнаружил мелкие белые шарики, которые по ошибке принял за новые яйца. Но под микроскопом они оказались маленькими грибами. Он был потрясен, сообразив, что термиты выращивают продукцию для еды. Ученым сейчас известно, что некоторые другие животные занимаются тем же, но Смитмен оказался первым, кто осознал, что *Homo sapiens* – далеко не первые фермеры в истории планеты (муравьи, кстати, ведут «подсобное хозяйство» шестьдесят миллионов лет).

В своем исследовании Смитмен шел по стопам немецкой натуралистки Марии Мериан, которую называли «матерью энтомологии» за новаторские исследования в Суринаме в конце 1600-х годов. (У Мериан были средства, и она сама оплатила поездку в Южную Америку, продемонстрировав невероятную независимость духа. Она тоже использова-

торой она находится всю свою жизнь в темноте, не способная ни на что, кроме как поглощать пищу и круглосуточно испускать из себя потомство. Представьте, каково это – постоянно рожать на протяжении всей жизни и при этом быть настолько распухшей, что нет возможности не только ходить, но и таскать себя. Так что такую «королеву» более уместно было бы назвать королевской гонадой. (Прим. авт.)

ла рабов, которые собирали для нее экспонаты, но, в отличие от большинства натуралистов, по крайней мере, отмечала в своих дневниках их помощь.) Мериан была одной из первых ученых, кто исследовал полный цикл жизни насекомых, в том числе и пищу, которой они питаются на разных стадиях развития. Она также была одаренной художницей и в дневниках запечатлела отдельные страшные сюжеты, в частности, такой, где паук-птицеед размером с лапу снежного человека поймал колибри и наслаждается трапезой.

Гигантская королева термитов (номер 3), маленькое тело, раздувшееся в яичный мешок, из которого каждые сутки появляется до 80 000 яиц (рисунок Генри Смитмена).

Смитмен в том же духе изучал термитов от яиц до взрослых особей и сделал несколько зарисовок термитников, которые ценятся по сей день за их живописные подробности. Рисунки любопытны и в социологическом смысле. Вместо того чтобы изображать себя как героя в центре событий, Смитмен рисует своих проводников-африканцев, разбивающих буга-баги, тем самым явно признавая их помощь. Историки также обратили внимание, что, в отличие от поздних репродукций этих рисунков, Смитмен в оригиналах не искажал черты лица африканцев, подгоняя их под европейские стандарты красоты. Его персонажи – настоящие африканцы.

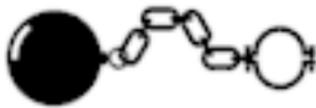
Все это сочетается с общим уважением, с которым Смитмен относился к своим помощникам. Вместо того чтобы насмеяться над их невежеством в естествознании, что было характерно для большинства европейцев, он позволял им поправлять себя в некоторых аспектах. Например, они указали ему, что крылатые термиты, которых он наблюдал, являются не отдельными видами, а просто стадией жизненного цикла уже известных видов (сам Линней совершил эту ошибку). Еще более примечательно, с учетом тех предрассудков, которые живы и по сей день, что Смитмен сумел преодолеть отвращение, которое наверняка мог испытывать, и приобщился к местной практике употребления насекомых в пищу. Проводники показали ему, как снимать термитов с поверхности воды в лужах и поджаривать над костром, слов-

но орехи. Как писал Смитмен, «я несколько раз ел их, приготовленных таким способом, и считаю их вкусными, питательными и полезными. Они сладковатые, но не такие жирные и приторные, как гусеницы или личинки».

Конечно, Смитмен был не лишен характерного для его времени предвзятого отношения к местным. В разных письмах он описывает африканцев как чрезмерно «коварных» и «невероятных лентяев и подлецов». И это не все оскорбления. Но гораздо жестче он относится к европейцам-работорговцам, называя их «зверьми», «чудовищами» и «французскими, голландскими, датскими [и] шведскими подонками». Он уважает познания африканцев в медицине: они обладают «ценными секретами в области растений». Побывав на некоторых местных судебных мероприятиях, он высоко оценил ораторские навыки африканцев, назвав их «черными Цицеронами и Демосфенами», которые во многих смыслах превосходят английских адвокатов.

Изучение термитов со временем принесло Смитмену уважение среди европейских биологов, а также прозвище Месье Термит. И если бы рассказ о Смитмене на этом закончился, он бы вошел в историю как проницательный ученый, толерантный и дальновидный человек. К сожалению, это еще не все. Проводниками и помощниками Смитмена были в основном местные свободные люди, не рабы. И в первые месяцы пребывания в Сьерра-Леоне он мог отстраниться от темы рабства, утешаясь тем, что его отношения с ним минималь-

ны и касаются лишь вопросов транспорта и торговли. Но сохранять эту дистанцию оказалось сложнее, чем он ожидал. По мере истощения финансовых ресурсов он начал заводить дружбу с работорговцами в стремлении выговорить для себя более выгодные условия. Постепенно его настороженность и неприязнь к ним стали спадать, и тому были вполне понятные человеческие причины. Он чувствовал одиночество. В апреле 1773 года, на семнадцатый месяц пребывания в Африке, в письмах спонсорам он уже открыто жаловался на свое изолированное положение. К этому времени у него было три жены, но душа страдала без компании приятелей-соотечественников, говорящих на одном языке, почитающих того же бога и распеваящих те же гимны. В итоге мало-помалу Смитмен стал пользоваться гостеприимством местных работорговцев. Он уговаривал себя, что это лишь паллиатив – временное решение проблемы одиночества.

Естествознание – не единственная область науки, которая извлекала пользу из работорговли. Первая крупная астрономическая обсерватория в Южном полушарии, в Кейптауне, была построена рабским трудом. Эдмунд Галлей (прославившийся кометой) просил рабовладельцев из различных

колоний поставлять ему данные о Луне и звездах. В тех же местах геологи занимались сбором камней и минералов. Королевское общество рассылало в работорговые порты вопросники с просьбой предоставить разные наблюдения и извлекало выгоду из вложений в компании, использующие рабский труд.

В выигрыше оказалась даже такая рафинированная область науки, как небесная механика. Исаак Ньютон – ученый-одиночка, чудака, большую часть жизни просидевший в кабинете за столом, выводя свои уравнения, которые он скрывал от коллег. Но во время работы над трудом *Principia Mathematica*¹¹, где, в частности, сформулирован знаменитый закон гравитации, Ньютон сделал радикальное и очень громкое предсказание: причиной приливов и отливов является притяжение Луны. Чтобы доказать это, ему потребовались сведения о высоте и времени приливов по всей планете, и один из важнейших комплектов данных поступил из французских работорговых портов на Мартинике. Небесная механика в буквальном смысле занимается внеземными делами и далека от грубой земной жизни настолько, насколько можно представить. Но рабство было такой существенной частью европейской науки, что даже натуральная философия оказалась в его тени.

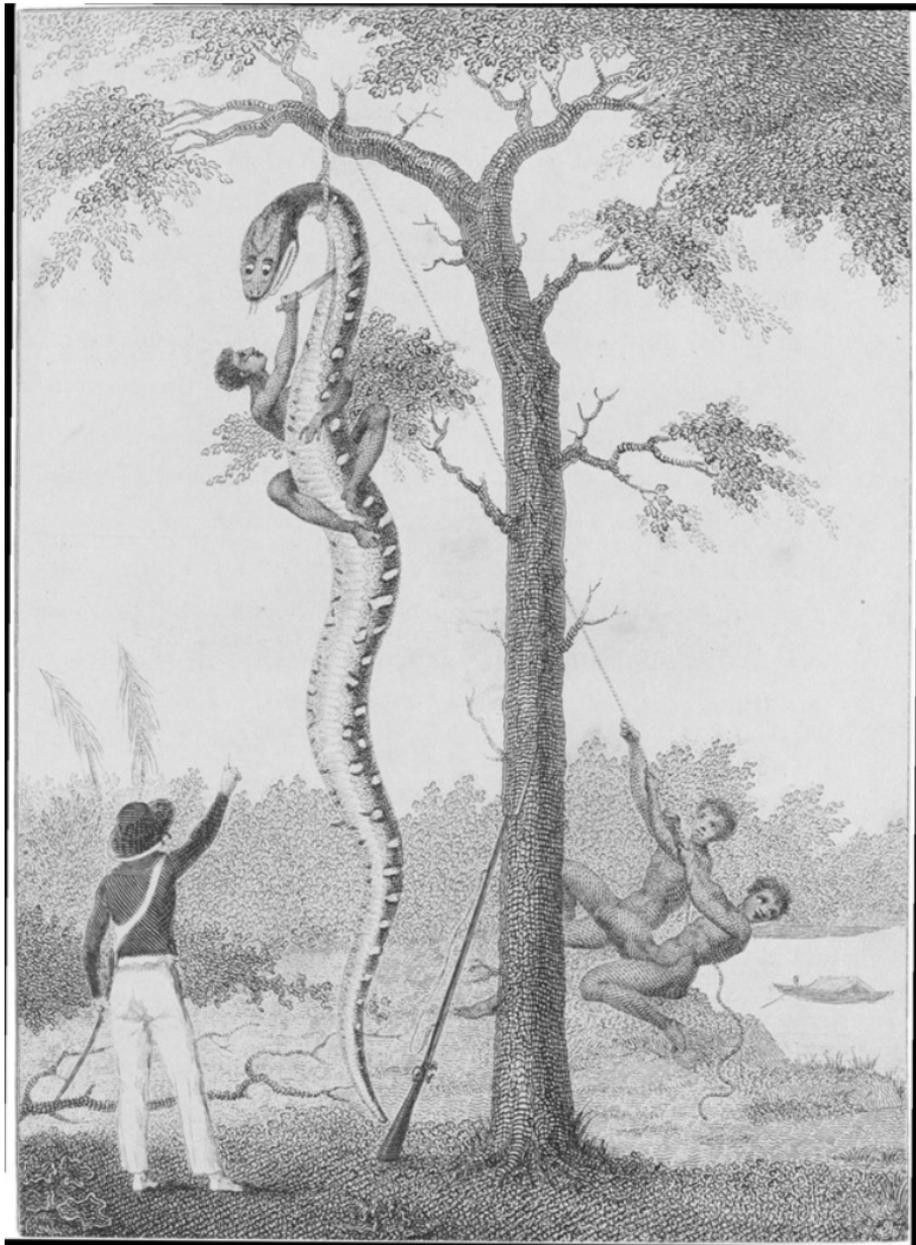
¹¹ Трехтомный труд Ньютона называется *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* («Математические начала натуральной философии»). (Прим. перев.)

Никто не спорит, что естествознание получало большую выгоду от рабства – и в некоторых случаях даже помогало рабству расширять свои владения. Колониальные торговцы с жадностью хватались за любые заморские природные ресурсы, такие как красители и пряности, и консультировались с учеными о лучших способах добычи и производства подобных товаров. Кроме того, медицинские исследования свойств хинина и других лекарственных средств помогали белым европейцам выживать в тропических условиях. И чем более безопасной и прибыльной для европейцев оказывалась колония, тем больше в ней развивалась коммерческая деятельность, в том числе и работорговля. Таким образом, научные исследования не только находились в зависимости от колониального рабства, но и открывали для него новые рынки.

Некоторые европейские натуралисты на американском континенте тоже добывали экспонаты с помощью рабов, особенно в опасных и труднодоступных местах. Они заставляли рабов карабкаться на деревья или нырять в холодные водоемы. Рабы пробирались в колючие заросли или на смертельно скользкие склоны. Удивительно, но некоторые коллекционеры даже платили рабам за помощь – полкроны (18 нынешних долларов) за каждую дюжину насекомых и двенадцать пенсов (7 долларов) за каждую дюжину растений, если те оказывались в целости и сохранности. В основном коллекционеры жульничали, и подавляющее большинство африканцев, до-

бывавших для них образцы флоры и фауны, не получали ни денег, ни благодарности. Редчайшие случаи памяти об этих людях сохранились в названиях растений: например, майо горького, названного в честь седовласого раба с Ямайки, который лечил его корой тропическую фрамбезию – заболевание кожи, сходное с сифилисом.

Самым известным африканским натуралистом был Квасси – *lockoman* (колдун), – который жил в Суринаме в 1700-е годы. Квасси был рабом, тем не менее нередко выступал на стороне белых европейцев, подставляя африканцев, и по сей день считается весьма неоднозначной личностью. Как заметил один европейский наблюдатель, Квасси изготавливал амулеты «из камешков, морских ракушек, клочков волос, рыбьих костей, перьев и пр., соединенных на хлопковой нитке, чтобы носить на шее». Затем Квасси продавал эти амулеты рабам, борющимся за свободу, уверяя людей, что магия, заключенная в них, сделает их неуязвимыми в битве. Этого, конечно, не происходило, но прибыльный бизнес Квасси продолжался. Сохранилась устная история о том, как «колдун» отправил группу беглых рабов в джунгли, а затем выдал их расположение белым солдатам. За подобные деяния Квасси была обещана свобода, а также дорогие европейские побрякушки, в том числе нагрудная пластина с надписью «Квасси, верный белым». В отместку несколько беглых рабов устроили на него засаду, поймали и отрубили правое ухо.

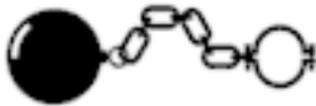
Раб по имени Дэвид вынужден залезть на дерево и снять шкуру с удава для своего хозяина Джона Стедмана. Как ни странно, это рисунок поэта Уильяма Блейка.

При всей своей неоднозначности Квасси считался гением ботаники. Особенно он прославился изготовлением порошка из кореньев, который помогал при болях в желудке и лихорадке. Многие белые европейцы предпочитали лечиться у него, нежели у своих врачей¹². Это знак большого доверия. На протяжении тридцати лет Квасси хранил в тайне, что за коренья он использует, и лишь потом сводил в лес одного из учеников Линнея и показал ему кустарник с ярко-красными цветами. Ученик привез растение Линнею, который дал ему название *Quassia amara* (Квассия горькая). Редчайший пример названия вида в честь раба.

Вероятно, совсем не случайно Квасси, столь верный белым, благодаря европейским ученым обрел бессмертие, в то время как множество других талантливых людей затерялось в истории. Однако следует помнить, что за каждым растением или насекомым, получившим европейское название, на-

¹² В отличие от Квасси, некоторые рабы использовали свои превосходные познания в ботанике, чтобы отомстить поработителям с помощью ядов. Особенно распространенным ядом был маниок, из которого при правильном приготовлении получается вкусное блюдо, но в ином случае он невероятно токсичен. Рабы собирали червей, кормили их соком маниока, затем высушивали, перетирали, а порошок прятали под ноготь. Затем тайком высыпали его в посуду, в которой подавали еду своим господам. (Прим. авт.)

верняка стоят один, два, а то и дюжина безымянных помощников.

В отличие от Квасси, Смитмен не был ботаником. Он занимался жуками, и попытки разобраться в незнакомой флоре Сьерра-Леоне приводили его в отчаяние. Однако в начале 1773 года он получил письмо, из которого с огромной радостью узнал, что к нему на Банановые острова направляется еще один ученик Линнея, ботаник Андреас Берлин. Еще один ученый джентльмен не только освободит его от ботаники, но и составит компанию, о которой так мечтал Смитмен.

Берлин, несмотря на свои двадцать семь лет, уже имел впечатляющий послужной список, в том числе участие в одной из знаменитых научных экспедиций под руководством капитана Джеймса Кука. Уже в своем первом выходе на природу со Смитменом в апреле 1773 года Берлин за пятнадцать минут обнаружил три растения, неизвестных европейской науке. Добыча доставила ему огромное удовольствие. «Я словно слепец, который внезапно обретает зрение, – изливал он свои чувства в письме, – и впервые видит солнце. Он падает навзничь в изумлении...» Однако при всем своем таланте Берлин имел один серьезный порок: тягу к спирт-

ному. Каждый час, который не уделялся ботанике, уделялся пьянству, что приводило Смитмена в ярость, тем более с учетом того, что и другой его помощник был алкоголиком. «Иметь двух помощников и ни одного из них трезвым, – жаловался он, – это весьма прискорбно».

Помощники из местных тоже доводили Смитмена до истерики. В основном это были жители поселения, которые посмеивались у него за спиной над его привычкой собирать презренных букашек. Но посмеивались до тех пор, пока Смитмен не объявил, что готов платить за собранные экземпляры. После этого «помощь» хлынула таким потоком, что он не знал, куда от нее деться. «Мужчины, женщины, дети приходили толпой, рассматривали, задавали вопросы и несли на продажу все – каждое растение с цветком, всех самых обычных насекомых, вплоть до тараканов и пауков, которых полно в каждом доме». Постепенно он стал отказываться от «помощников», что вызвало, разумеется, замешательство и недовольство. Некоторые в отместку даже стали воровать нужные экземпляры у него из-под носа и вынуждали платить дважды.

В полном расстройстве, особенно из-за Берлина, Смитмен спускал пар одним из немногих доступных ему способов – общением с работорговцами.

Надо признать, Смитмен никогда не испытывал теплых чувств по отношению к публике из низов общества, которая составляла экипажи невольничьих судов, к грубиянам и

сквернословом, которые, как он однажды презрительно заметил, размещивают свой чай «ржавым грязным жирным ножом» и едят такое прогорклое масло, что годится лишь для смазывания колес телеги». Но с торговцами и капитанами кораблей – аристократами рабовладельческого общества Сьерра-Леоне – Смитмен вполне ладил.

На самом деле эти «джентльмены» по своей жестокости ничем не отличались от пиратов. Хуже того, именно они действительно наживались на рабстве. Но у них был некоторый лоск, и Смитмен начал заглядывать в их «загородное поместье» на острове Банс поиграть в вист или бэкгаммон. Еще он играл в гольф на кочковатом поле с двумя лунками. (Смитмен называл эту игру «гофф», и она немного отличалась от современного гольфа. Мяч был размером с теннисный, а лунки, как он говорил, «размером с тулью мужской шляпы».) Равнодушно подбирая слова, Смитмен характеризует гольф как «весьма приятное занятие для теплого климата, поскольку здесь нет никакого насилия, кроме единственного удара» в свинге. Настоящее насилие творилось всего в четверти мили от этого места, на дальнем краю острова, в загонах, где пороли и заковывали в кандалы рабов. В мае 1773 года на Иль-де-Лос Смитмен принял участие в охоте на коз и даже поступился своим правилом относительно алкоголя на берегу, где устроили пир и грог лился рекой. Среди участников развлечения был и Джон Титл, капитан невольничьего судна, который вскоре бросит за борт мальчишку, чтобы

тот достал его шляпу, и пошлет бочки с фекалиями его отцу. Но по крайней мере в этот день они со Смитменом были в приятельских отношениях.

Вскоре после гулянки Смитмен отправился к себе на Банановые острова на попутном корабле, принадлежавшем Титлу, и оставил душераздирающую зарисовку о состоянии перевозимого «груза». Один историк уместно назвал ее «дантовской»: «Два-три раба каждый день выбрасывают за борт умирающих от лихорадки, дизентерии, кори, червей, – записал Смитмен. – Один доктор врачует болячки, раны и язвы или пичкает людей лекарствами, а другой стоит над ними с кошкой [-девятихвосткой, т. е. плетью], заставляя глотать их».

Среди жертв вспышки заболеваний оказался и Андреас Берлин. Алкоголь и так уже сильно подорвал его здоровье, но даже после того, как слег с лихорадкой и диареей, он требовал на борту свою привычную дозу грога (он также поедал в больших количествах ананасы, вероятно, как народное средство). Смитмен поначалу воздерживался от спиртного, но затем перестал – к своему сожалению. Берлин вскоре умер. Его африканские приключения продлились всего три месяца.

После такого удара Смитмен еще больше сблизился с компанией работорговцев. Это моральное падение не было простым или однозначным. Как видно из описания болезни на корабле, приведенного выше, человек, который когда-то не

мог найти слов при виде двух чернокожих матерей, кормящих своих младенцев, никуда не делся и по-прежнему осознавал все зло рабства. Но тенденция падения определилась. Сначала он обращался к работорговцам исключительно за материальной помощью – оборудование, продовольствие, почта. Затем он стал с ними приятельствовать, стремясь к более выгодным торговым условиям. Со временем приятельство переросло в дружбу – так он скрашивал одиночество, омрачавшее его существование. Любому психологу ясно, что усиление контактов с работорговцами также вело к сближению с их взглядами и даже к их защите.

Дальше все пошло еще хуже. За полтора года, в течение которых уже длилась экспедиция Смитмена, берегов Англии достигло считаное количество экспонатов, в том числе насекомых. И это не была целиком вина Смитмена. На подготовку экспонатов требуется время. Главное же в том, что маршруты «торгового треугольника» проходили в одном направлении, и подготовленные ящики с образцами, оказавшись на борту невольничьего корабля, шли в Англию через Карибы, что на месяцы увеличивало время в пути. Кроме того, океанские путешествия – не самые благоприятные условия для сохранности образцов. Если они не портились от солнечного света, жары, влажности или брызг соленой воды, свой вклад вносили черви, муравьи и грызуны, во множестве обитавшие на борту.

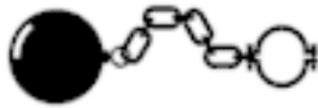
В результате спонсоры Смитмена, сидя с пустыми рука-

ми, начали сомневаться в целесообразности своих инвестиций. Смитмен, в свою очередь, хорошо понимал, что его репутация как ученого и мечта войти в приличное общество джентльменов рухнут, если в Англии не получат достаточное количество экземпляров, причем срочно. С этой целью Смитмен начал сотрудничать в качестве агента с одним работником из Ливерпуля, способствуя расширению его бизнеса в Сьерра-Леоне. Взамен ему было обещано предоставление места для ящиков с образцами на немногих кораблях, направляющихся из Африки непосредственно в Англию. Сохранение засушенных жуков и растений оказалось для него важнее, чем сохранение нравственных принципов.

В середине 1773 года Смитмен и сам окунулся в работорговлю. Деньги как таковые в Африке были весьма бесполезны, поскольку люди здесь предпочитали бартер – обмен товарами. Например, один капитан, доставивший Смитмену некий груз из Англии, потребовал в качестве оплаты раба. Вся местная экономика тоже держалась на рабах. Как Смитмен объяснял в одном из писем, он испытывал хроническую нехватку «свечей, сахара, чая, масла», обуви, гвоздей и прочих предметов первой необходимости. И, как бы он ни сокрушался по этому поводу, рабы в Сьерра-Леоне были своего рода универсальной валютой, единственным «товаром», за который он мог приобрести что угодно. В частности, табак и ром, которые ему были необходимы, чтобы расплачиваться с вождями и проводниками-охранниками. Без их по-

мощи ему бы просто пришлось свернуть свою научную экспедицию – а с этим он смириться никак не мог. Поэтому в случае необходимости он стал торговать рабами.

Неудивительно, что в 1774 году Смитмен, испытывая нужду в финансировании своих исследований, перешел от простой торговли рабами на локальном уровне к продаже их на плантации в Америке. В письмах он продолжал оправдывать свое участие в работорговле. На этот рынок, утверждал он, его вытолкнула реальность местной экономической жизни. Но совесть время от времени давала о себе знать. Однажды он записал: «Мои сомнения относительно работорговли улетучились». Он стал частью системы, которую презирал.

Было бы приятно думать, что научные грехи времен Генри Смитмена безвозвратно ушли в прошлое. В конце концов, трансатлантическая работорговля прекратилась в начале 1800-х годов. Но суть в том, что нашим современным научным мировоззрением мы обязаны таким книгам, как *Principia Mathematica* и *Systema Naturae*, а их создание зависело от работорговли. И еще более очевидно другое: множество экспонатов, собранных благодаря системе работорговли, до сих пор представлены в современных музеях.

Наиболее важные музейные коллекции связаны с именем Ганса Слоана¹³, лондонского врача и натуралиста. В молодости Слоан занимался коллекционированием на плантациях на Ямайке, а позже женился на девушке из семьи богатых рабовладельцев. Используя обретенное состояние, Слоан начал покупать коллекции у других натуралистов и со временем стал обладателем крупнейшей в мире коллекции по естественной истории, насчитывавшей десятки тысяч экспонатов. Возмутительно, но среди них были и человеческие. В своем личном каталоге он перечислял: «кожа руки черного с инъекцией красного воска и ртути»; «фетус негра из Вирджинии»; «камни, извлеченные из вагины черной африканской девочки». В 1727 году Слоан использовал свою коллекцию в качестве трамплина, чтобы стать президентом Королевского общества. Он сменил на этом посту Исаака Ньютона.

В 1753 году, перед смертью, Слоан совершил нечто необычайное. Он хотел финансово обеспечить дочерей, но при этом сохранить в целости коллекцию, чтобы она не рассеялась на аукционе. В завещании он указал, что переда-

¹³ Любопытно заметить, что на Ямайке Слоан изобрел молочный шоколад. Он решил, что так приятнее употреблять какао, которое в то время считалось медицинским снадобьем. Вернувшись в Лондон, Слоан продал рецепт одному аптекарю, а тот, в свою очередь, перепродал мелкой фирме под названием Cadbury. Каждый раз, откусывая шоколадный батончик «Кэдбери», вспоминайте, что своим происхождением он обязан промышленным узам между наукой и рабством. (Прим. авт.)

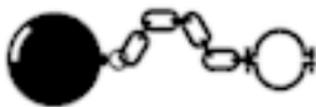
ет все собрание британскому правительству за 20 000 фунтов (3,1 миллиона долларов на сегодняшние деньги) для создания музея. Чтобы собрать нужную сумму, правительство устроило лотерею с билетами по 3 фунта (470 долларов), и, несмотря на некоторые махинации (например, организаторы скупали билеты пачками и перепродавали их по завышенным ценам), лотерея собрала 300 000 фунтов (47 миллионов долларов). Поскольку правительство хотело сделать музей открытым для публики, его назвали Британским музеем. Он быстро стал одним из самых известных учреждений в мире. Позже большая часть экспонатов из собрания Слоана была передана в Музей естественной истории в Лондоне – еще один маяк цивилизации. Таким образом, собрание Слоана, множество предметов из которого имело непосредственную связь с рабством, стало основой коллекций самых знаменитых культурных учреждений мира.

Честно говоря, как-то выделять эти музеи нет оснований. Другие образцы, имеющие отношение к работорговле, можно обнаружить в Оксфорде, Глазго, Челси. На самом деле почти в каждом музее естествознания в любом крупном европейском городе – в Париже, Мадриде, Вене, Амстердаме – наверняка есть экспонаты аналогичного происхождения. Впрочем, это не просто пыльные диковины. Ученые до сих пор обращаются к этим коллекциям для изучения окультуривания диких растений и исторического изменения климата. Из этих же образцов извлекают ДНК, выясняя эволю-

ционное развитие растений и животных. Тем не менее большинство ученых остаются в полном неведении о происхождении предметов, с которыми имеют дело.

Не знают об этом и многие историки. Только некоторые из них, будучи не в силах больше закрывать глаза, начинают, наконец, разбираться в происхождении музейных коллекций. Кое-кто даже пытается развернуть научную дискуссию о репарациях жертвам рабства и о культурном наследии рабовладения. Как заметил один из них, дискуссии о прибылях, которые принесло рабство, обычно ведутся в рамках «долларов и центов, фунтов и пенсов. Однако эта прибыль, безусловно, может измеряться в собранных образцах и опубликованных статьях».

Признание такого наследия может быть болезненным для ученых. В конце концов, разве научный прогресс – не та сила, что действует на благо человечества? Безусловно. Но это еще и человеческие устремления, действия людей, полных благих помыслов, но подверженных ошибкам, людей, поглощенных своими исследованиями и игнорирующих угрызения совести. Таких, как Генри Смитмен.

В конце концов, все компромиссы, на которые шел Смит-

мен, дали ему возможность добиться в науке того, к чему он стремился. Но не совсем. Благодаря участию в работоргове он смог закупить все необходимое, чтобы совершить несколько длительных экспедиций к термитникам и набрать такое количество образцов, что один из его спонсоров позже взмолился: «У меня в доме и половины этого не поместится!» В конце 1775 года, после четырех лет жизни в Африке, Месье Термит почувствовал, что сложившаяся научная репутация уже позволяет вернуться в Англию, где, как он полагал, его должны встретить как героя. Поэтому он упаковал все образцы и купил место на невольничьем корабле «Елизавета», отправлявшемся на Карибы.

Как только Смитмен ступил на борт, капитан корабля вырвал у него из рук ларец с образцами жуков и растений и вытряхнул содержимое, словно мусор. У ящика был очень хороший прочный замок, и капитан решил хранить в нем корабельные пистолы, необходимые для подавления бунта на корабле или восстания рабов. Впрочем, вскоре у капитана возникли более серьезные проблемы. «Елизавета» текла, как старое корыто, и требовалось постоянно откачивать воду, чтобы она держалась на плаву (через несколько недель после прихода в Вест-Индию корабль был признан непригодным для дальнейшей эксплуатации). Из 293 рабов, которых «Елизавета» везла в Америку, 54 человека умерли за время пути.

Смитмен планировал после прибытия тотчас же отпра-

виться в Англию, но его подкосил очередной приступ малярии, он не рискнул встречаться с суровыми зимними ветрами в плавании через Атлантику и решил пересидеть несколько месяцев на берегу. Однако к тому моменту, когда он был готов продолжить вояж, уже всюду полыхала война за независимость, и американские приватиры повсюду захватывали британские корабли. Оказавшись в безвыходном положении, Смитмен в итоге решил поселиться на Тобаго и четыре года занимался естественно-научными изысканиями на различных островах. Самым примечательным стало его исследование карибских огненных муравьев, которые перемещались по островам такими тучами, что Моисей засомневался бы, стоит ли насылать их на фараона. На островах муравьи нападали даже на сельскохозяйственных животных, за ночь обгладывая до костей туши коров и лошадей. Местные называли эти стаи «муравьиным проклятием».

И все эти годы Смитмен размышлял по поводу рабства. Вест-Индия во многих смыслах была райским местом: яркая, богатая растительность, множество новых видов флоры и фауны, – и он проводил долгие дни в прогулках на природе и коллекционировании. Однако нередко он оказывался и вблизи плантаций, где то и дело слышались свист хлыста и крики боли. Он был свидетелем публичной порки рабов, как мужчин, так и женщин, и длинные извилистые шрамы, покрывавшие их тела, виделись ему в кошмарных снах (рабовладельцы часто лили свечной воск или сыпали толченый

перец чили на раны, чтобы усилить страдания. Некоторые даже бросали перец в глаза). В Африке Смитмену как-то еще удавалось дистанцироваться от рабства. Но жестокость жизни на плантациях поправила его нравственный компас, и он снова стал противником рабства.

Наконец, в августе 1779 года Смитмен решил преодолеть последний этап «торгового треугольника» и вернуться в Англию. Разумеется, корабль, на котором он плыл, захватили пираты, и все собранные экспонаты – плоды многолетних трудов – были выброшены в море. Он вернулся в Англию ни с чем, и триумфальной встречи героя, о которой он так мечтал, не состоялось. Но он хотя бы смог представить в Королевском обществе высоко оцененный доклад о термитниках. Однако высокомерный президент общества решил, что Смитмен недостаточно благороден для их рядов, и практически блокировал его прием в члены общества. Смитмен, безусловно, был убит горем. Его мечта стать джентльменом-ученым рассыпалась в прах.

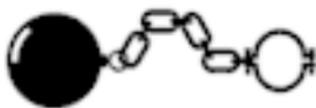
Пришлось опираться на собственные силы. Он начал читать платные лекции, которые пользовались большой популярностью, о своих приключениях в мире муравьев и термитов. Одновременно он стал заметной фигурой в движении аболиционизма. Практически каждую свою научную лекцию он заканчивал краткой проповедью против рабства, «этой постыдной политики, которая унижает один вид [т. е. расу] человеческих существ, чтобы немногие представители дру-

того купались в роскоши».

Вероятно, чувствуя вину за свое участие в работорговле, он начал собирать средства для организации сельскохозяйственной колонии в Сьерра-Леоне для свободных чернокожих. Он имел в виду и рабов Северной Америки, которые во время Войны за независимость проявили лояльность королевству и сражались в рядах британцев против своих господ. В сборе средств приняли участие сотни людей, в том числе десятки смешанных супружеских пар, которые просто хотели пожить свободной жизнью там, где их никто не будет унижать. Смитмен даже ездил в Париж, чтобы встретиться с Бенджамином Франклином и найти у знаменитого американца поддержку своим планам. (Во Франции в 1783 году Смитмену удалось наблюдать первый в мире полет на воздушном шаре, созданном братьями Монгольфье. Зрелище вдохновило его на проект собственного летательного аппарата – сигарообразного, с крыльями, что, по его мнению, должно было сделать его более управляемым, чем сферический аппарат Монгольфье.)

В июле 1786 года, за несколько месяцев до того, как поселенцы планировали отправиться в Африку, Смитмен слег с очередным приступом малярии. Страны Южной Америки в то время все еще скрывали хинин, и буквально через три дня – прежде чем кто-либо успел достать лекарство – он скончался. Четыре сотни колонистов все-таки отправились в путь, но прибыли они в середине сезона дождей, а

оставшись без контактов и опыта Смитмена, оказались вынуждены просить пропитание, чтобы выжить. В течение трех месяцев треть из них умерли. Потом местный вождь выгнал оставшихся колонистов и распорядился сжечь все их хижины. Великая мечта Генри Смитмена об искуплении рассеялась как дым.

Несмотря на скоропостижную смерть, Смитмену удалось продвинуть дело аболиционизма вполне реальным, хотя и косвенным образом. В начале 1786 года он написал трактат, в котором изложил свое видение колонии в Сьерра-Леоне. Его прочитали двое шведских ученых – горный инженер Карл Вадстрем и ботаник Андерс Спаррман – и вдохновились настолько, что в конце 1787 года решили отправиться в Африку. У них были смутные планы побывать в глубине континента, но в итоге они застряли во французском рабовладельческом порту в Сенегале. Их крайне возмутило то, чему они стали свидетелями в ближайшие три месяца, но, в отличие от Смитмена, они пробыли там не так долго, чтобы гнев и возмущение сгладились.

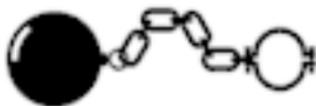
Вместо этого они поспешили в Лондон и начали потчевать публику рассказами о «рабских темницах» и людях, «лежа-

щих скованными цепями в собственной крови». Они также поведали о дьявольской схеме, которую придумали французы, чтобы скупать рабов по дешевке. Вместо того чтобы устраивать рейды и рисковать своей головой, французы продавали оружие двум враждующим племенам и провоцировали войну между ними. Кто-то неизбежно одерживал победу и брал в плен своих врагов. После чего появлялись французы и предлагали купить пленников. Вадстрем описал итог одной из таких войн, когда победившее племя с песнями, плясками и музыкальным сопровождением направлялось в порт с будущими рабами: «Я никогда не видел столь inferнальной сцены и был просто поражен пронзительными воплями ужаса одних и радостными криками других, выступавших в сопровождении шумовых инструментов». Возможно, самым возмутительным было то, что французы, скупавшие рабов, практически хвастались перед Вадстремом и Спаррманом своей сообразительностью. Шведам даже не пришлось глубоко копать, чтобы вскрыть подобные махинации.

В Лондоне шведы выступили в Палате представителей и в Торговой палате. Их показания стали сенсацией – благодаря тому, о чем они рассказали, и тому, кем они были. Это были 1780-е годы, расцвет Просвещения, и ученые в те времена считались безупречными, абсолютно непогрешимыми свидетелями по серьезным вопросам, возникающим перед обществом (да, было время...). В результате многие, кто раньше имел какие-то сомнения в осуждении рабства, внезапно

встали на сторону аболиционистов. Потому что если уж ученые говорят, что торговля людьми – это зло, то кто они такие, чтобы с ними спорить?

Разумеется, не только двое шведов способствовали прекращению работорговли в Британской империи. Многие сделали сами африканцы. Выкупивший себя из рабства Олауда Эквиано и организация «Сыны Африки» предоставляли собственные изобличающие свидетельства, и долгое, кровавое, но в итоге закончившееся успехом восстание рабов на Гаити в 1790-е годы заставило британскую публику всерьез задуматься, *что* поддерживает британское правительство. Значительный вклад внесло квакерское религиозное движение, долгие годы самостоятельно выступавшее против торговли людьми. Но, как заметил ведущий аболиционист Томас Кларксон, после публичных выступлений шведских ученых «тенденция <...> которая так сильно была направлена против нас, теперь понемногу стала разворачиваться в нашу пользу». И в этом смысле Вадстрем и Спаррман помогли науке немного искупить свою вину после очень длительной связи с работорговлей и стать действующей силой в борьбе за ее прекращение.

Смитмен умер, не сумев осуществить свою мечту стать членом благородного Королевского общества. Особенно больно сознавать это потому, что, отказав ему, общество принимало в свои ряды других ученых с крайне сомнительной репутацией. Один из таких, врач и примерно современник Смитмена, занимался одной из самых ужасающих в истории науки деятельностью – практически поощрял организованную преступность, способствовал разграблению сотен могил, чтобы заполучить трупы для анатомических исследований.

На самом деле врачи заслуживают отдельной главы в аналах греховной науки. Поскольку медики работают непосредственно с людьми, они зачастую придают науке человеческий облик. Но работа с людьми также порождает новые этические дилеммы и новые возможности для злоупотреблений.

3. Гробокопательство: Джекил и Хайд, Хантер и Нокс

Убийства начались, можно сказать, после невинного случая. В Эдинбурге, в типичном каменном доме-пансионе, располагавшемся под сенью знаменитого городского замка на холме, цеплялся за жизнь пожилой мужчина по имени Дональд. Его легкие были заполнены жидкостью вследствие водянки, и он, по сути, тонул, хотя и оставался на суше. Одним ноябрьским вечером 1827 года он наконец отошел в мир иной, и хозяин пансиона Уильям Хейр начал готовиться к церковным похоронам.

Но затем Хейр задумался. Церковь не могла забрать тело прямо сейчас, и Хейр сказал соседу, Уильяму Берку, что хотел бы продать труп, но посоветовал держать язык за зубами. В те времена приобретение и продажа покойников не были чем-то противозаконным, и для этого существовал устойчивый, хотя и сомнительный рынок: эдинбургским врачам-анатомам всегда был нужен материал для препарирования, и они платили наличными. Берк согласился, что грех упускать такую возможность. И вместо того чтобы расстраиваться, парочка решила ухватить удачу за хвост. Вскоре пришел плотник, чтобы уложить в гроб тело Дональда. Потом мужчины остались вдвоем. Действуя быстро, они с помощью стамески

сняли крышку гроба, извлекли тело Дональда, спрятали его на соседней кровати, заполнили гроб мусором по весу трупа и закрыли. Когда представители церкви пришли забирать гроб, они ничего не заподозрили.

Julien - 1847

J.R. 1847

Серийные убийцы Уильям Хейр (слева) и Уильям Берк (рисунки Джорджа Эндрю Лютенора).

Теперь парочке нужно было сбыть тело. Они пошли в медицинское училище, но главный анатом отсутствовал. Они отправились к одному из его конкурентов, Роберту Ноксу. Нокс тоже отсутствовал, но помощник посоветовал мужчинам прийти попозже. Вечером они закутали тело Дональда и потащили к Ноксу для оценки. Знаменитый анатом имел лысину на макушке, левым глазом он не видел из-за последствий оспы. Одевался он как денди, хотя, если он в тот вечер работал, на нем, наверное, был фартук с пятнами крови.

Берк и Хейр уложили сверток с телом на покрытый зеленым фетром анатомический стол в кабинете Нокса и распаковали его. Затаив дыхание они наблюдали, как доктор единственным острым глазом осматривает труп. Напряжение было невыносимым – вдруг он заподозрит, что его украли?

«Даю вам семь фунтов и десять шиллингов», – наконец произнес Нокс.

Мужчины взяли деньги и поспешили удалиться. Берк чувствовал себя виноватым, но ведь никто не пострадал. Да и деньги им были нужны.

Впрочем, как всегда бывает с деньгами, семь фунтов и десять шиллингов быстро испарились. И когда в пансионе Хейра спустя несколько месяцев поселился старый мельник по имени Джозеф, а потом оказался при смерти от лихорадки,

пара не могла не задуматься еще раз. Хейр в любом случае жаждал избавиться от Джозефа: не хватало ему еще заразы в своем пансионе. А с учетом того, что старик и так уже был одной ногой в могиле, почему бы не подтолкнуть его? Неизвестно, кто предложил первым и обсуждали ли они вообще это вслух. Но не успел закончиться следующий день, как Берк уже крепко прижимал подушку к лицу Джозефа. Хейр в этот момент лежал поперек груди старого мельника, сдавливая легкие. Таким образом, они получили возможность продать еще один труп.

Или нет? Новый поход к Ноксу мог оказаться вдвойне опасным. Наверняка опытный анатом может заподозрить убийство.

Но Берк и Хейр нервничали зря. Как известно каждому любителю детективов, при сдавливании горла жертвы обычно ломается подъязычная кость, поскольку она очень хрупкая и не выдерживает давления. Но метод эдинбургского дукэта закрывать лицо подушкой – вскоре получивший название «беркинг» – оставил подъязычную кость в целости. Иными словами, они наткнулись на дьявольски хитроумный способ удушения жертв.

С учетом состояния судебно-медицинской экспертизы того времени, нужен был очень наметанный глаз, чтобы найти доказательство убийства, а Нокс менее всего был заинтересован в обнаружении такого доказательства. Как все анатомы той эпохи, он предпочитал не спрашивать, откуда к нему

поступают материалы для работы. Но, принимая трупы от Берка и Хейра, он способствовал началу серии самых жестоких преступлений в истории науки.

Широко распространен миф о том, что христианская церковь в Европе запретила препарирование человеческих тел, загнав тем самым анатомию как науку в подполье. На самом деле итальянская церковь всегда сотрудничала с анатомами, сохраняющими тела после отпевания. Церковные иерархи даже поощряли препарирование будущих святых. Каким образом иначе они смогли бы заполучить кости, сердца и прочие высушенные останки, которые заполняют церкви и привлекают паломников? Другие страны проявляли сходную толерантность. Один французский драматург жаловался, что доступные для наблюдения анатомические сеансы привлекают такие толпы, что среди публики начинается давка. В 1600-е годы научное анатомирование было широко распространено в Европе.

По крайней мере, в континентальной Европе. Великобритания запрещала препарирование. Люди боялись, что препарирование после смерти оставит их тела искаженными в Суд-

ный день, когда Господь станет воскрешать мертвых. Щепетильные британцы относились к вскрытию тел как к чему-то постыдному – лежит обнаженное тело, его вертят, режут... Однако запрет вводили не епископы и священники, а представители светской власти.

И все же британское правительство иногда снабжало врачей-анатомов трупами. Обычно это были казненные преступники, которых приговаривали к «смерти и расчленению» для «большого устрашения и особого знака бесчестья». Но даже в эпоху, когда за неправильно срубленное дерево человека могли повесить (действительно!), казней производилось недостаточно, чтобы удовлетворить потребности медицинских училищ. (Сегодня на двух студентов-медиков, занимающихся в анатомичке, обычно приходится один труп; в те времена, если бы ограничивались исключительно официальными источниками, соотношение было бы несколько сотен к одному.) Такой дефицит, в свою очередь, приводил к непристойным сценам во время публичных казней через повешение: учащиеся различных медицинских заведений буквально дрались за труп. В спешке они порой сдергивали с виселицы человека, который еще не умер. Бывало, что шея оказывалась не сломана, человек просто терял сознание от нехватки воздуха – и приходил в себя уже на анатомическом столе. Другим везло меньше. В одном современном обзоре анатомических исследований указано, что в десяти из тридцати случаев у как бы покойника продолжало биться сердце.

Но повернуть вспять уже было поздно.

В процессе препарирования студенты ножом вскрывали тело в районе брюшной полости и рассматривали отдельные органы и ткани. Они изучали, где проходят важнейшие артерии, с чем соединяется печень, как располагаются нервные окончания в мышечных тканях и так далее. Это давало им лучшее представление о том, как функционирует организм, как взаимосвязаны все его части – это важнейшие основы медицинского образования. В ином случае врачи пытались бы идентифицировать больные органы, не зная, как выглядят здоровые. Задача практически нереальная. Хуже того, без детального знания анатомии врачи, проводя полостные операции, могли повредить важную артерию или нерв, что привело бы к параличу или даже смерти пациента.

Постоянно испытывая дефицит трупов для препарирования, британские анатомы (и их североамериканские коллеги) понимали, что иного выхода, кроме как вскрытие могил, у них нет. Некоторые ученые занимались этим сами, другие обращались за помощью к студентам, беря с них в начале семестра клятву хранить тайну, как в каком-то братстве некрофилов. Впрочем, клятвы плохо действовали. Как писал один из наблюдателей, «под покровом ночи, в самом безудержном порыве» студенты, подогрев себя спиртным, штурмовали церковные кладбища и выкапывали свежие трупы. Для них это все было чудовищной игрой.

Правительственные чиновники старались не обращать

внимания на гробокопательство по двум причинам. Во-первых, сами они были богатыми и влиятельными, а большинство тел для анатомических занятий принадлежало беднякам. Власти могли терпимо относиться к разграблению могил и не опасаться, что нечто подобное произойдет с их родными и близкими. Если подходить к этому менее цинично, то власти хорошо понимали, что будущим врачам и хирургам нужны трупы для обретения опыта и, честно сказать, для совершения ошибок. В ином случае новички изучали бы анатомию на ходу, на живом пациенте, и могли ошибаться, уже погрузив руки по локоть в его внутренности. По этой причине многие представители власти хотели легализовать препарирование, однако общественное мнение было против. В результате в рядах британского медицинского сообщества царило шаткое перемирие по вопросу получения материала для препарирования. Не спрашивай, не говори.

Равновесие в итоге было нарушено вследствие одержимости одного человека. Джон Хантер был своего рода Уильямом Дампиром от анатомии – почитаемым за свои открытия и порицаемым за свои методы. Грубиян и сквернослов, с волосами такого огненно-рыжего цвета, что, казалось, от них можно было прикуривать, Хантер был десятым, последним ребенком в шотландской семье и пошел в медицину отчасти потому, что шестеро его братьев и сестер умерли в юном возрасте от болезней. Примером для подражания был старший брат Уильям – лондонский акушер, высокоуважаемый

(и высокооплачиваемый) за благоразумно молчаливый прием родов у любовниц Важных Персон. Уильям также преподавал анатомию, но не хотел пачкаться, ковыряясь в трупах. В 1748 году, в возрасте двадцати лет, Джон Хантер отправился в Лондон, чтобы стать ассистентом-диссектором у брата. До этого он никогда не анатомировал трупы, но во время первого вскрытия испытал настолько острые ощущения, что, в принципе, его уже было не остановить.

Пародия на прозекторскую. Обратите внимание на расхитителя могил, который вносит мешок с трупом (рисунок Томаса Роуландсона).

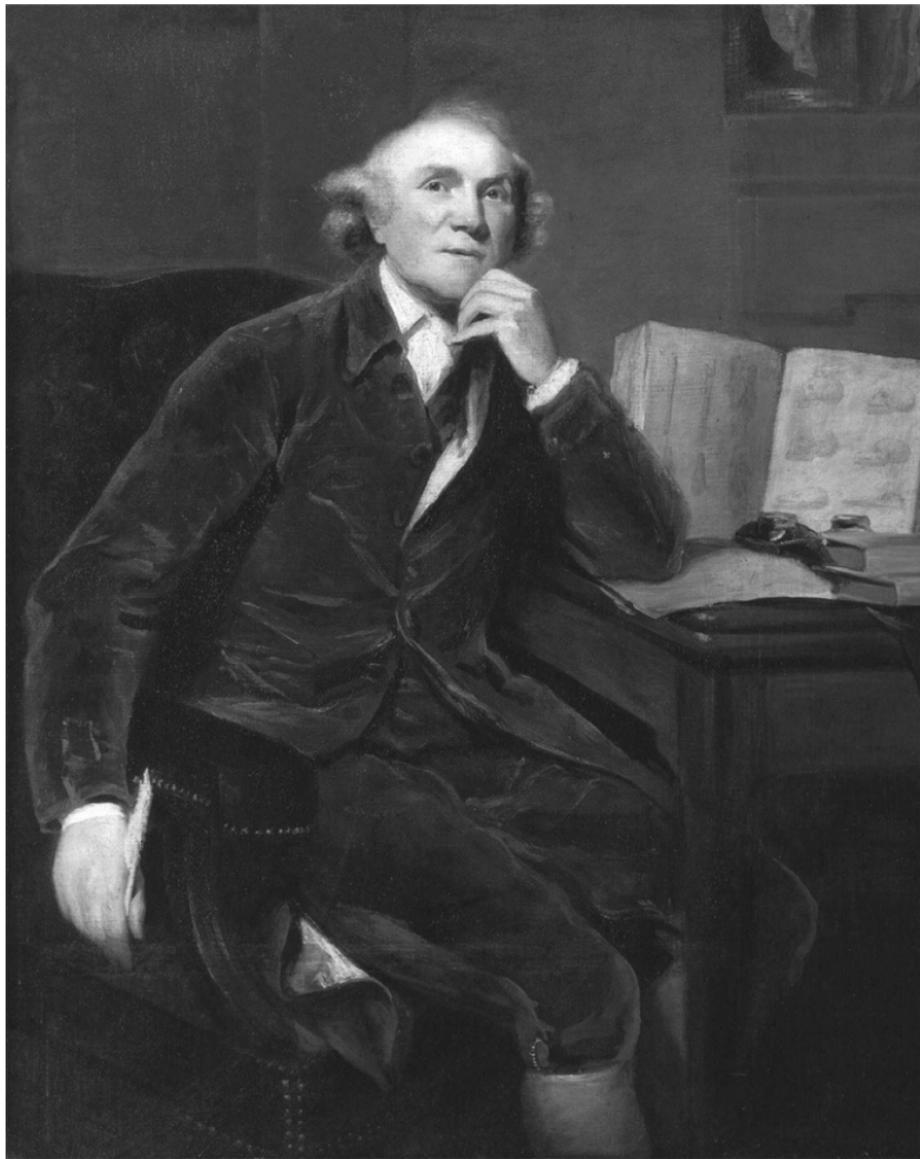
Одержимость Хантера проявлялась двояко. Во-первых,

он любил анатомию как таковую, и не только анатомию человека. Он препарировал тысячи животных, в том числе такие специфические органы, как «яйца воробья, яичники пчел и плаценту обезьяны»; он даже сотрудничал с Генри Смитменом, занимаясь препарированием его гротескных королей термитов. Во-вторых, Хантер рассматривал анатомию как способ реформировать медицину. Медицина того времени разглагольствовала насчет «наблюдений» и «экспериментов», но повседневное лечение по-прежнему сводилось к применению древних средств от всех бед, таких как прочистка, кровопускание и табачные клизмы – табачный дым буквально вдвухали в задний проход. Хантер хотел модернизировать медицину и рассматривал анатомию как фундамент реформ: чтобы лечить болезнь, врач должен обладать глубокими знаниями об организме. По его мнению, это предполагало не только знание о том, как взаимодействуют все органы, но и знание их на ощупь, на запах и даже на вкус. Например, желудочный сок трупа он характеризовал как «солончатый». Еще более смело он сообщал, что «сперма <...> когда ее подержать немного во рту, вызывает тепло, примерно как специи». Хантер даже препарировал и пробовал на вкус египетскую мумию.

Благодаря или вопреки своим неортодоксальным методам Хантер сделал десятки анатомических открытий, в том числе обнаружил слезные протоки и обонятельный нерв. Он наблюдал за первым искусственным оплодотворением женщи-

ны и одним из первых применил электрический ток (от примитивных аккумуляторов) для возобновления работы сердца. Он также описал развитие плода в утробе матери и предсказал современную классификацию зубов – резцы, клыки, премоляры и моляры (коренные зубы). На основании всех этих работ¹⁴ Хантер в 1767 году был избран в члены Королевского общества. Более того, уверенная рука и глубокие познания в анатомии сделали его знаменитым хирургом. Со временем он приобрел в Лондоне дом с великолепным фасадом, чтобы принимать пациентов, среди которых были такие знаменитости, как Адам Смит, Дэвид Юм, Уильям Питт и Йозеф Гайдн.

¹⁴ Одним из наиболее смелых своих открытий Хантер положил начало продолжительным спорам о том, как происходит пищеварение. Многие ученые в то время утверждали, что желудок переваривает пищу либо благодаря теплу, которое ее разлагает, либо механически перемешивая. Хантер обратил внимание на отверстия в кишках трупов и предположил химическое переваривание. Он заявил, что после смерти организм перестает производить защитную слизь, которая обволакивает стенки кишечника, и кислота, содержащаяся в нем, начинает переваривать сам орган. Этим объясняются отверстия, которые не соответствовали гипотезам о тепле или перемешивании. Сейчас известно, что механическое перемешивание действительно имеет определенное значение в пищеварении, но главную роль играют химические процессы. (*Прим. авт.*)

Анатом, хирург и пособник гробокопателей Джон Хантер

послужил прототипом одного из героев романа «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (рисунок Джона Джексона).

Однако Хантер подвергался критике, особенно за связь с гробокопателями. Большинство анатомов презирали «похитителей трупов» и «мешочников» как примитивных бандитов.

Напротив, Хантер со своими вульгарными манерами пользовался большой популярностью у этой публики. Его величественный особняк даже имел второй, весьма непримечательный вход – именно для гробокопателей. В него можно было попасть из переулка, и часа в два ночи они незаметно проскальзывали туда и сдавали свой ночной улов. Как вспоминал один студент, задние комнаты отчетливо «благоухали» трупными запахами. Роберт Льюис Стивенсон использовал образ этого дома – двуликого Януса и жизнь Хантера в целом при создании «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда».

Похитители трупов обычно работали группами. Те, кто попроще, промышляли в местах массовых захоронений, у больших ям, которые оставались незакрытыми до тех пор, пока не заполнятся трупами неизвестных бедняков. Лучшие группы обладали более изысканными манерами. Многие использовали в качестве шпионов женщин – они привлекали меньше внимания, – которые слонялись близ больниц и

работных домов, ожидая новых покойников. Затем шпионки посещали «черное» (похороны на воровском жаргоне) и шли за церемонией к «больничной койке» (т. е. на кладбище), чтобы уточнить место захоронения. Шпионки также высматривали ловушки, как, например, ружья с пружинным спуском, прикопанные в земле, и гробы-«торпеды», которые взрывались при попытке вскрыть их. Некоторые семьи прибегали к менее радикальным мерам, раскладывая на поверхности могилы ветки, камешки или ракушки в определенном порядке, чтобы заметить, не потревожил ли кто покой усопшего. Шпионки передавали подобную информацию бандам за долю от выручки.

Сами похищения обычно осуществлялись по ночам. Мешочникам приходилось заодно осваивать навыки астрономов-любителей и составлять расписания времени восхода Луны и лунных фаз, чтобы определять наступление полной темноты. Сторожа, как правило, проблем не создавали. Если на кладбище и был один, его либо подкупали, либо спаивали до бесчувствия. Затем грабители тихо пробирались к свежей могиле, обезвреживали все ловушки, если таковые были, запоминали узоры из веточек или ракушек и начинали копать своими бесшумными деревянными лопатами.

Банда редко извлекала гроб целиком – слишком много работы. Обычно они откапывали только головную часть, затем поддевали крышку ломом и, используя вес наваленной сверху земли, ломали доски. Под мышки трупа продевали верев-

ку и вытаскивали добычу. Часто затем уродовали лицо, чтобы покойника было невозможно опознать. Перед уходом они снимали с трупа саван и все украшения, оставляя их в могиле, поскольку кража золота или одежды считалась преступлением, караемым смертной казнью. Профессионалы могли опустошить могилу за пятнадцать минут и были настоящими Пикассо в восстановлении облика нетронутого захоронения. Не раз одна шайка, проникнув на кладбище и раскопав захоронение, натыкалась на уже пустую могилу – результат работы более оперативных конкурентов¹⁵.

(У похитителей трупов были и другие хитрые способы зарабатывания денег. Некоторые, не желая утруждать себя возней с могилами, прибегали к мошенничеству. Они приходили в богадельню или больницу, выбирали труп и начинали рыдать и рвать на себе одежды, изображая горе по поводу усопших горячо любимых «дядюшки» или «двоюродной бабушки». Был и другой вариант. Некоторые шайки продавали труп анатому, а потом, примерно через час, пока тот не на-

¹⁵ Людям, которые умирали летом, в этом смысле везло больше, потому что в жаркое время трупы быстро разлагаются. Следовательно, от них меньше пользы анатомам, которые часто просто не работали в летние месяцы. Смерть зимой почти всегда влекла за собой похищение тела. В особо морозные дни, когда трупы оставались окоченевшими, похитителям даже не приходилось их прятать. Они просто усаживали их в карету, как пассажиров, и подвозили прямо к заднему крыльцу дома анатома. В иных случаях тела закутывали в тряпки или в мешки или даже перевозили в бочках с надписями «свинина» или «говядина». Возможно, это поясняет строчку в стихике, который я приведу позже в этой главе. (*Прим. авт.*)

чал вскрытие, в дверь стучался их сообщник, представлялся родственником покойного и требовал труп обратно, угрожая в ином случае заявить в полицию. После этого вся шайка отправлялась к другому анатому и продавала труп вторично. Одна компания поступила еще более нагло: они запрятали в мешок своего совершенно живого подельника и продали его анатому. Видимо, они полагали, что анатом оставит мешок в покое до утра, а у их приятеля будет время выбраться, обчистить дом и ускользнуть незамеченным. План рухнул, потому что анатом заметил, что «труп» вполне жив.)

Во времена Хантера бандиты получали примерно по два фунта за труп взрослого. Крестьянин такую сумму зарабатывал за целый сезон. Трупы «мелких» (детей) стоили немного дороже¹⁶. За редкие экземпляры (например, беременные

¹⁶ Анатомы препарировали трупы детей и младенцев при любом удобном случае, отчасти потому, что стремились выяснить, как протекает процесс роста и развития организма. Это была популярнейшая научная тема в те времена. С практической точки зрения младенцы лучше годились для учебных целей. Для изучения расположения нервов и кровеносных сосудов анатомы закачивали окрашенный воск или ртуть в тело, порой просто дувая через трубки. Намного легче накачать жидкостью маленькое детское тельце, чем тело взрослого человека. Кстати говоря, анатомы препарировали трупы в строгом порядке, который определялся тем, как быстро разлагаются те или иные органы. Первым делом занимались брюшной полостью, поскольку органы, расположенные там, быстро приходят в негодность. Затем наступало время для сердца и легких (которые зачастую были черными от закопченного лондонского воздуха). Мышцы разлагаются медленнее, поэтому с ними можно было подождать. В последнюю очередь занимались костями. Порой анатомы скрепляли их проволокой, собирая полный скелет. Несмотря на спешку работы с быстро разлагающимися тканями, прозекторские комнаты сильно воняли гниющей плотью, как и сами анатомы. Чтобы

женщины на последних месяцах) цена могла подниматься до 20 фунтов (нынешние 2500 долларов). Некий предприимчивый гробокопатель как-то за одну ночь выручил 100 фунтов.

Работа, конечно, была очень соблазнительной, но и довольно опасной. Будучи пойманными, гробокопатели рисковали попасть за решетку или отправиться в колонии¹⁷. И если полиция предпочитала отводить взгляд, то народ – нет. Расхитителей могил регулярно отстреливали, избивали металлическими прутьями. Одна ватага, проявив своеобразное чувство юмора, попыталась закопать заживо одного такого грабителя в могилу, которую он только что вскрыл. Некоторые анатомы выступали в роли крестных отцов по отношению к своим поставщикам, заботились о наиболее надежных из них, даже выкупали из тюрьмы или оказывали финансовую помощь семьям тех, кто отбывал срок. Но если анатомы пытались их обмануть или купить труп у конкурирующей группы, оскорбленные могли не задумываясь вломиться в лабораторию и искромсать «рабочий материал» так, что он

учащиеся не отвлекались от занятий, руководство медицинских школ часто запрещало студентам хирургических отделений заводить семьи, но, с учетом того, где они проводили большую часть времени, можно усомниться, так ли уж нужен был этот запрет. (Прим. авт.)

¹⁷ Просто для пояснения некоторых юридических тонкостей: владение мертвецом не являлось преступлением. Технически трупы никому не принадлежали, они не считались собственностью. Но гробокопатели могли быть привлечены к ответственности за осквернение могил. Это было противозаконно. И еще раз: кража одежды или украшений с трупа однозначно считалась преступлением, которое нередко каралось смертной казнью. (Прим. авт.)

становился непригодным для исследований. Это была откровенная мафиозная тактика. *У тебя там хорошенький трупик. Будет жаль, если с ним что-то случится.*

Впрочем, Хантер редко ссорился с поставщиками трупов, в основном потому, что не мог себе этого позволить. От них зависели все его исследования. Ближе к концу жизни он посчитал, что за десяток лет работы с братом он препарировал или наблюдал за препарированием примерно двух тысяч трупов – по одному телу каждые два дня.

Учитывая, что почти все тела были краденными – иногда самим Хантером, – это уже достаточно плохо. Но месяц за месяцем, труп за трупом у него сформировалась такая нравственная мозоль, что в глазах ученого эти некогда живые существа превратились попросту в мешки с костями. Самый, вероятно, постыдный эпизод в его жизни связан с ирландским великаном Чарльзом Берном.

Берн был очень высоким – 254 см, как сообщали таблоиды. Говорили, что он может прикурить трубку от уличного газового фонаря, даже не вставая на цыпочки. Ученые того времени объясняли фантастический рост тем, что его родители занимались сексом на стог сена. Современные врачи полагают, что причина – в гипофизе, который выделяет излишек гормона роста. Берн зарабатывал на жизнь, выступая на сельских ярмарках в Ирландии и Англии. Он носил огромные манжеты с оборками и треугольную шляпу размером с приличный парус. Однажды его удостоил аудиенции

король Георг. Джон Хантер, как только увидел Берна, сразу же загорелся идеей препарировать его тело.

Ради этого он однажды встретился с Берном в Лондоне и предложил выкупить его будущий труп. Хантер полагал, что тем самым оказывает честь. Кому не захочется быть препарированным всемирно известным анатомом? (Не будучи ханжой, Хантер позже распорядился, чтобы ассистенты вскрыли его собственное тело после смерти.) Но в своей одержимости Хантер упустил из виду тот факт, что большинство людей считали препарирование трупов крайне мерзким делом. Берна просто передернуло от такого предложения. Послав Хантера подальше, гигант собрал друзей и взял с них клятву, что после его смерти тело утопят в море, чтобы оно не попало в лапы анатомов.

К несчастью для Берна, смерть настигла его раньше, чем он надеялся. Гипертрофированный гипофиз может стать причиной артрита и сильных головных болей. Говорили, что он начал много пить, чтобы заглушить боль. (Хантер узнал об этом от шпиона, которого нанял следить за гигантом, перемещающимся от одного паба к другому.) Чтобы дойти до невменяемого состояния, такому здоровяку, вероятно, требовалось огромное количество спиртного, и печень в конце концов не выдержала. В июне 1783 года он упился до смерти. Ему было всего двадцать два года.

Как сообщала одна газета, анатомы вились у дома Берна, «как гренландские гарпунеры вокруг гигантского кита».

Друзья Берна заказали гроб размером со шхуну и, вспомнив, что друг при жизни любил себя показывать, выставили покойника на всеобщее обозрение и стали продавать билеты. Но, верные своему слову, тело никуда не отдали. Собрав за четыре дня кое-какую выручку, они вместе с сотрудником похоронной конторы отправились в долгий путь протяженностью семьдесят пять миль, к морю, чтобы исполнить последнюю волю покойного.

К сожалению, у траурной процессии оказалось больше добрых намерений, чем здравого смысла. Тащить огромный гроб в июньскую жару было тяжелой, утомительной работой, поэтому добрые ирландцы каждые четыре мили останавливались, чтобы освежиться элем и помянуть друга. Будучи ответственными людьми, они всегда старались затащить гроб с собой в таверну, чтобы не упускать его из виду. Но в одной таверне дверь оказалась слишком узкой для похоронных дрог Берна, и они приняли предложение сотрудника конторы и отвезли их в ближайший амбар. В конце концов кочующие поминки оказались на морском побережье у Кентербери. Там приятели наняли большую лодку и выгребли в море. Потом столкнули гроб ирландского гиганта за борт и проследили, как он скрылся в пучине.

Тем временем *тело* ирландского гиганта оказалось в Лондоне. Прежде чем траурная процессия отправилась в путь, шпион Хантера нашел этого сотрудника погребальной конторы и предложил взятку в 50 фунтов за содействие. Тот, по-

чувяв отчаянное положение клиента, постепенно поднял ставку до 500 фунтов (50 000 долларов на сегодняшний день). Хантер не мог себе позволить такой суммы, но страсть затмила разум, и он согласился. По пути сотрудник похоронной конторы заманил друзей Берна в таверну с узкой дверью, в которую, как он знал, гроб не войдет, а перед этим подкупил хозяина ближайшего сенного амбара, где спрятались его приятели с инструментами. Пока друзья Берна пиروвали, подельники похитителя вскрыли гроб, спрятали тело гиганта в куче сена, положили вместо него точно отмеренное по весу количество булыжников и вернули крышку на место. Впоследствии гроб отправился в одном направлении, а тело – в противоположном. Рано утром следующего дня Хантер уже втаскивал гиганта через заднюю дверь в свой дом.

Может показаться странным, но он не стал препарировать Берна. В ином случае своим натренированным глазом он наверняка бы заметил гипертрофированный гипофиз и попытался связать это с гигантизмом; такую связь установили только в следующем веке¹⁸. Но Хантер очень боялся друзей Берна и отказался от своего первоначального плана. Вместо этого он решил выварить труп, чтобы сохранить скелет. Для этого он использовал огромный медный котел. Снимая пену

¹⁸ Знаменитый нейрохирург Харви Кушинг в 1909 году вскрыл череп Ирландского гиганта и обнаружил явное свидетельство опухоли. Он обратил внимание на увеличенные размеры sella turcica – седловидного углубления в основании черепа, в котором находится гипофиз. Это характерный признак гигантизма, которым отличался Берн. (Прим. авт.)

и жир, как из наваристого супа, он извлекал кости гиганта. Позже Хантер открыл в Лондоне музей анатомических диковин (один автор назвал его «Музеем человеческих страданий имени Хантера»), центральным экспонатом которого стал скелет высотой семь футов и семь дюймов. Вопреки воле гиганта, он представлен в экспозиции и по сей день.

Хантер оставил после себя противоречивое наследие. С одной стороны, никто не спорит, что он был одним из величайших ученых своего времени, сделавшим десятки открытий о том, как работает человеческий организм. Помимо конкретных находок он также привнес новый дух в медицину, вытаскивая ее из царства кровопускания и клизм с табачным дымом и настаивая на важности наблюдений и экспериментов, – большой шаг в направлении научной респектабельности. Он также вдохновил своим примером множество выдающихся медиков (достаточно назвать хотя бы Эдварда Дженнера и Джеймса Паркинсона); после его смерти в 1793 году молодежь буквально хлынула в медицинские учебные заведения.

Тем не менее отсутствие этических принципов существенно подорвало репутацию Хантера. Осуждать ученых прошлого за то, что они не соответствуют нашим современным нравственным нормам, несправедливо, но даже в те времена были люди, которые презирали Хантера. Одним махом ему удалось нажать себе врагов и среди медиков-аристократов, которые испытывали отвращение к его тесным контак-

там с гробокопателями, и среди простого народа, возмущенного тем, что он использует людей как мясо для своих научных экспериментов. Даже коллеги-анатомы побледнели, когда узнали, что Хантер украл тело Чарльза Берна. Он является собой классический пример человека, оправдывающего свои грехи пользой, которую принесли его действия, словно этика – не более чем нравственная калькуляция, при которой добрые дела отменяют плохие.

Но худшее еще было впереди. Хантер более чем кто-либо превратил разграбления могил из дерзких выходок пьяных студентов в бизнес, и количество трупов, которые он купил, деформировало рынок сбыта. Резкий рост числа студентов медицинских заведений стал причиной повышения спроса на анатомические материалы. Если в 1780-е годы за труп в среднем платили 2 фунта, то в 1810-е годы в отдельных местах цена доходила до 16 фунтов (почти 1000 долларов) – это сопоставимо с пятилетней заработной платой среднего рабочего. Надо признать, Хантер не был чудовищем. Сколь бы гибкой ни была его совесть, она у него была. Но чем выше росли цены на трупы, тем больше людей, не испытывавших вообще никаких угрызений совести, испытывали искушение вступить в игру. Людей, подобных Берку и Хейру.

Уильяму Берку не давали покоя воспоминания об удушении старика подушкой. Он начал пить виски по вечерам, чтобы заснуть. Бутылка для подкрепления всегда стояла у него рядом с кроватью. Уильям Хейр особо не переживал. Старика все равно суждено было умереть, так чего париться? Впрочем, учитывая обстоятельства, ни один из них от полученных денег не отказался. Берк, которому в это время шел четвертый десяток, вырос в нищете в Ирландии и в молодые годы стал отцом. Со временем он перебрался в Шотландию, чтобы помогать семье, и хватался за любую малоперспективную работу – рыл каналы, служил в армии, работал в пекарне. Жена, оставшаяся дома, в конце концов перестала отвечать на его письма, и он в Эдинбурге сошелся с другой женщиной. О прошлом Хейра известно еще меньше. Предположительно, он был моложе Берка и, вероятно, тоже приехал из Ирландии. Если Берк был круглолицым и внешне привлекательным, то у Хейра были узкие глаза и тот жадный и голодный взгляд, о котором предостерегал Шекспир. В течение нескольких лет Хейр помогал своей жене Маргарет держать пансион, но они едва сводили концы с концами. Берк, работавший сапожником, тоже бедствовал. Когда он в оче-

редной раз оказался на мели, Хейру не составило большого труда уговорить приятеля на второе убийство. Испытывал он угрызения совести или нет – неизвестно.

Весьма недостоверное изображение убийства, совершаемого Берком и Хейром. Большинство своих жертв они спаивали до потери сознания, а потом убивали – но не душили за горло, а усаживались им на грудь и зажимали рот и ноздри. Этот способ убийства получил название «беркинг» (гравюра Роберта Сеймура).

В середине февраля 1828 года в пансионе сняла комнату пожилая женщина по имени Абигейл Симпсон. Парочка напоила даму до рвоты, однако продолжала потчевать ее пор-

тером и виски, пока та не отключилась. Честно говоря, в этот момент она и сама могла умереть от алкогольного отравления, но Хейр для верности уселся ей на грудь, а Берк зажал ей рот и нос и держал так, пока она не перестала подавать признаки жизни. Тело Симпсон вполне могло стоять около 10 фунтов, и Берк, хотя и принял изрядную дозу спиртного тем вечером, заснул гораздо легче.

Вскоре все стало намного проще. Как выразился однажды Берк, «нас так же могли повесить за овцу или ягненка», и на протяжении ближайших десяти месяцев они придушили еще четырнадцать человек. Эта серия убийств является одной из крупнейших в истории. Они убили пожилую женщину и ее умственно отсталого внука. Они убили еще одну пожилую женщину с единственным зубом во рту, а затем и ее дочь, которая, как сообщили, отправилась на ее поиски. У двух жертв они даже не потрудились узнать имена. Поначалу парочка просто поджидала подходящих кандидатов, которые заселялись в пансион, но потом им стало невтерпеж, и они начали заманивать людей. Берк, разговорчивый мужчина с приветливым лицом, обычно появлялся ранним утром у винных лавок, высматривал несчастных алкоголиков, крайне нуждающихся в опохмелке. Затем входил к ним в доверие и приглашал в пансион Хейра, где обещал дать выпить и покормить горячей пищей. Когда жертва обмана отключалась, оба Уильяма приступали к действиям. Берк вспоминал, что у жертв с приближением смерти «начинались судороги

и громкое бурчание в животе». Все тела затем переправляли к анатому Роберту Ноксу.

Пресловутый доктор Роберт Нокс, «покупатель мяса» у Берка и Хейра (с разрешения Wellcome Trust).

Нокс был одаренным ученым, пусть и не таким блестящим, как Джон Хантер, но гораздо более изысканным. Он читал лекции в солидных костюмах и рубашках, отделанных кружевами, а пальцы, хотя и с красными пятнами, были унизаны бриллиантовыми перстнями. У него была сходная с Хантером жажда к человеческой плоти. В Эдинбурге, где ежегодно появлялись сотни новых студентов медицинских училищ, ему приходилось выдерживать суровую конкуренцию в приобретении анатомического материала. В такой обстановке было совершенно естественно покупать покойников у кого угодно. Про эту троицу позже даже сочинили стишок: “Burke’s the butcher, Hare’s the thief / And Knox the boy who buys the beef”¹⁹. Можно с уверенностью сказать, что у помощников Нокса были свои подозрения относительно Берка и Хейра. Один даже попробовал выяснить у Берка, откуда у него взялся очередной труп. (Берк парировал: «Будешь допрашивать, где и как я достал предмет, расскажу доктору [Ноксу]!» Помощник заткнулся.) Даже если помощник проинформировал Нокса, тот ничего не стал предпринимать. Любой опытный анатом мог заметить следы удушения на телах, которые доставляли Берк и Хейр: налитые кровью глаза, покраснение лица, характерные струйки крови изо рта. Но сохранившаяся в целости подъязычная кость давала Ноксу возможность правдоподобного отрицания очевид-

¹⁹ «Берк – мясник, Хейр – вор, а Нокс – покупатель мяса». (Прим. ред.)

ного. В любом случае от большинства жертв разило спиртным, и, к сожалению, были нередки случаи, когда алкоголики умирали, захлебнувшись своими рвотными массами. Короче, Нокс закрывал свой единственный глаз на любые признаки проблемы, не желая портить отношения с такими надежными поставщиками и прерывать свои исследования.

Чем больше «мяса» покупал Нокс, тем более безрассудно вели себя Берк и Хейр. Однажды Берк заметил, как два полисмена приставали к пьяной женщине, и великодушно предложил сопроводить ее до дома. Но вместо этого отвел ее в пансион Хейра и придушил. Самое дерзкое убийство связано с дурачком Джеми, всеми любимым «городским сумасшедшим», ходившим по улицам босиком; его все знали в лицо. Парочка все равно его прикончила и притащила Ноксу. Но вместо того чтобы сжечь одежду Джеми, как они поступали со всеми жертвами, они решили раздать ее своим приятелям. Бывшие владельцы впоследствии опознали некоторые предметы и весьма озадачились. Когда Нокс с помощниками собрался препарировать тело Джеми, один узнал его лицо и задохнулся от ужаса. Нокс поджал губы и распорядился начинать работать.

Подобные опасные звоночки только придавали смелости Берку и Хейру. Кульминацией серии стал план тройного убийства накануне Хеллоуина 1828 года. На этот раз гости – молодая пара Энн и Джеймс Грей и миниатюрная, лет сорока ирландка по имени Маргарет Дохерти – остановились не у

Хейра, а в доме Берка и его гражданской жены. (Берк выловил Дохерти в продуктовом магазине, сказав, что его фамилия тоже Дохерти.) Стремясь избавиться в первую очередь от ирландки, Берк под некоторыми благовидными предложениями отправил Энн и Джеймса из дома. Затем появился Хейр. Как обычно, сначала предложили женщине выпить; изображая ностальгию по родине, они упростили ее спеть несколько ирландских песенок. Дальше началось совершенно незапланированное. Около 11 часов вечера между Берком и Хейром вспыхнула ожесточенная ссора, и Берк принялся душировать своего младшего партнера. Дохерти закричала: «Убивают, убивают!» – и сосед с верхнего этажа стал звать полицию. Впрочем, это был Хеллоуин – ночь, полная всяческих выходок, и у полиции хватало других забот. На крики никто не появился. Когда Берк и Хейр наконец отцепились друг от друга, их неуголенная ярость обратилась на Дохерти, которую немедленно придушили. Потом стащили с нее красное платье и спрятали тело под соломой в ногах кровати.

Удивительно, но на следующее утро Берк впустил в дом Энн и Джеймса, вероятно, имея в мыслях убить также и их. Но его поведение вызвало подозрения у Энн – героини всей этой истории. Берк несколько раз как бы неловко расплескал виски, стараясь замаскировать запах, а когда Энн предложила свою помощь по уборке дома, он отказался. Она также обратила внимание, что он всячески старается не подпустить ее к изножью кровати, заваленному охапкой соломы.

Вечером 1 ноября, в День Всех Святых, Энн оказалась одна в доме и тут же направилась к охапке соломы. Она полагала, что Берк и Хейр в Хеллоуин совершили какую-то кражу, а добычу спрятали под соломой. Вместо этого она наткнулась на руку, а затем – на обнаженное женское тело с запекшейся кровью на губах. Энн схватила мужа, они бросились бежать, но в дверях встретились с гражданской женой Берка, Элен. Та предложила деньги за молчание, но Энн и Джеймс оттолкнули ее и побежали в полицию²⁰.

Надо сказать, полиция быстро сообразила, что это отнюдь не элементарный случай. Да, было мертвое тело, но Берк и Хейр всегда могли заявить, что Дохерти выпила лишнего и сама задохнулась. Применяв различные уловки, полицейские оценили личности обоих подозреваемых, решили, что Хейр менее щепетилен, и предложили ему сделку со следствием. Это сработало безупречно. Хейр выступил свидетелем обвинения, дал показания против Берка и в итоге вообще избежал наказания.

Суд над Берком начался в конце декабря. Заседание продлилось двадцать четыре часа кряду и завершилось вынесением очевидного смертного приговора. Судья приговорил Берка к повешению. А Хейр вышел из зала суда свободным человеком, хотя и замаскированным, потому что на улице

²⁰ Энн Грей совершила геройский поступок, но эта история с печальным концом. Ее муж Джеймс умер через несколько месяцев после их столкновения с Берком и Хейром, и, как это происходило со многими вдовами в те времена, Энн осталась практически без средств к существованию. (*Прим. авт.*)

его ждала толпа, жаждущая мести. Он бежал, как его тезка из мира животных²¹, в нескольких городах оказывался на волосок от гибели, в конце концов покинул Шотландию и исчез. Его последующие годы покрыты таким же туманом, как и предыдущие.

Берка повесили через месяц, дождливым утром. Смерть сама по себе была непримечательной, хотя во всех окнах домов, окружающих тюрьму, виднелись любопытствующие лица. В причудливом повороте судьбы тело передали злейшему конкуренту Роберта Нокса для препарирования и выставления в музее. Конкурент не побоялся окунуть перо в кровь из черепа Берка и вывести на табличке: «Это написано кровью У. Берка, повешенного в Эдинбурге 28 янв. 1829».

Нокса тоже могли бы привлечь к ответственности, но прямых доказательств не было. Он просто мог заявить, что ничего не знал. Тем не менее группа жителей Эдинбурга создала его чучело («лысая голова и все такое», как записал один современник). Но чучело не сожгли, а демонстративно придушили.

Возмущение убийствами, совершенными Берком и Хейром (равно как и несколькими аналогичными убийствами в Лондоне), в конце концов вынудило британские власти как-то отреагировать на дефицит покойников, доступных для анатомических исследований. Например, был подготовлен

²¹ Его фамилия по-английски пишется Hare, что в переводе означает «заяц». (Прим. перев.)

указ о передаче анатомам невостребованных трупов из домов призрения и богаделен – тех, на которые не заявляли претензий члены семьи или друзья покойного. Это не только увеличивало количество тел, доступных для использования в учебном процессе или для исследований, это подрывало черный рынок и давало возможность ученым порвать связи с ворами, бандитами и гробокопателями.

При всей благопристойности подобного решения использование невостребованных покойников не снимало этических проблем. Бедноту в особенности возмущал этот план, поскольку именно этот слой общества оказывался основным поставщиком трупов. Действительно, в богадельни не попадают состоятельные люди из хороших семей.

Проявив полное бесчувствие к этим переживаниям, один политик заявил, что, предоставляя трупы для научных исследований, беднота может хотя бы так послужить обществу. В конце концов, нельзя забывать, какое количество продуктов питания и медицинской помощи они получают за общественные деньги на протяжении своей жизни. (Его политический конкурент заметил, что поддерживает также анатомирование тех, кто высасывает все соки из общества, и предложил начать с королевской семьи.) Некоторые сторонники закона проявили больше сострадания, подчеркивая, что, несмотря на социальную несправедливость в отношении поставок анатомического материала, повышение качества подготовки врачей принесет беднякам больше пользы,

чем другим социальным группам. Богатые могут себе позволить опытных, высококвалифицированных врачей и хирургов, в то время как бедняки вынуждены пользоваться услугами начинающих врачей, которые могут путаться и делать ошибки. Следовательно, пусть лучше они ошибаются, имея дело с трупами бедняков, чем с живыми людьми. Иными словами, разрешение препарировать неостребованные тела является меньшим из двух зол и сокращает страдания бедноты в целом.

В итоге подобные аргументы возобладали, и в 1832 году Парламент принял Анатомический акт. Билль снял напряженность в Британском королевстве, но никак не повлиял на Соединенные Штаты, где анатомы всегда вызывали возмущение и регулярно случались «анатомические бунты». Однажды в центре громкого пикантного скандала оказалось даже анатомическое отделение медицинского факультета широко известного Гарвардского университета. Пропал один из его знаменитых выпускников, а нашелся там, где ему никак не полагалось быть, – в лаборатории одного профессора, разделанным на части умелой рукой.

4. Убийство: профессор и уборщик

Есть легенда, что первый в Америке бунт против анатомов начался из-за глупой шутки. Одним апрельским днем 1788 года студент-медик занимался препарированием тела женщины в анатомической лаборатории Главной больницы Нью-Йорка. Внезапно он почувствовал, что за ним следят. Оказывается, за окном собралась стайка уличных мальчишек, которые разинув рты во все глаза смотрели на настоящего покойника.

Это не понравилось студенту, который хотел спокойно поработать. Рассказывали, что он, желая отпугнуть мальчишек, схватил руку трупа и замахнулся в их сторону. *У-ху!* А затем выкрикнул: «Это рука твоей матери! Я только что ее откопал!»

Ха-ха. К сожалению, один из мальчишек действительно только что потерял мать. Разревевшись, он побежал домой к отцу. Тот, в свою очередь, схватил лопату и поспешил к могиле покойной жены. Нашел он там ровно то, что искал, – опустошенную могилу – и пришел в ярость.

Он был не один такой. Похищение тел всегда касалось больше бедных, чем богатых. Состоятельная публика могла себе позволить защиту от грабителей, например, могильные сейфы – металлическую клетку, в которую ставился гроб, чтобы его нельзя было вскрыть. Богатые для сохранения по-

коя своих усопших также могли нанять охрану могилы на одну-две недели, после которых обычно наступает такое разложение тканей, что покойник не годится для анатомирования. Беднякам такая роскошь была недоступна. В Соединенных Штатах от потрошителей могил особенно сильно страдали отдельные группы населения: американские индейцы, чернокожие – как рабы, так и свободные граждане, а также иммигранты из Германии и Ирландии. Так что, когда отец мальчика вернулся с кладбища и призвал идти штурмовать Главную больницу Нью-Йорка, он сразу же нашел множество разгневанных сторонников.

Когда толпа численностью в несколько сотен человек оказалась перед зданием больницы, врачи и анатомы стали в панике разбегаться. Один скрылся через дымоход. Мятежники ворвались внутрь, стали ломать и курочить медицинское оборудование, сожгли анатомические образцы и перезахоронили несколько тел в различной степени разложения.

Впрочем, разгром больницы не остудил пыл мятежников. На следующий день, значительно прибавив в численности, толпа двинулась к зданию другого медицинского учреждения, в Колумбийском университете. Сам Александр Гамильтон вышел на крыльцо, пытаясь остановить возмущенную публику. Мэр Нью-Йорка спрятал нескольких медиков в здании тюрьмы – ради их безопасности. Это не обескуражило людей. К тому времени уже собралась пятитысячная толпа. Люди начали бить стекла, ломать ограждения. Послышались

громкие выкрики: «Отдай нам врачей!» Ближе к вечеру перепуганный мэр решил вызвать вооруженное подкрепление. Одновременно он призвал местных известных политических деятелей выступить за восстановление порядка.

Напряженная обстановка могла бы, наверное, разрешиться мирно, если бы не последовавшие события. Среди политиков, откликнувшихся на призыв, был, в частности, Джон Джей, в будущем – первый председатель Верховного суда США и губернатор штата Нью-Йорк. Но его увещевания не принесли пользы. Что может знать такой аристократ о горе тех, у кого разграблены могилы родных и близких? Кто-то швырнул в него камень и разбил голову.

Среди выступавших был и барон фон Штойбен, армейский генерал и один из героев Войны за независимость. Он тоже получил удар кирпичом в голову. Говорят, фон Штойбен пошатнулся, залитый кровью, и призвал мэра распорядиться открыть огонь.

В принципе, это не было приказом. Но солдаты уже были перепуганы, и второй раз повторять не пришлось. Услышав, как генерал крикнул «огонь», они вскинули винтовки и принялись стрелять в толпу. Оценки разнятся, но к тому моменту, как дым рассеялся, на мостовой лежало примерно двадцать убитых. Мятеж начался с одного трупа, а закончился множеством.

При этом Нью-Йорк вряд ли можно назвать исключением. До начала гражданской войны в Америке произошло как ми-

нимум семнадцать анатомических бунтов – в Бостоне и Нью-Хейвене, Балтиморе и Филадельфии, в Кливленде и Сент-Луисе. Да, от гробокопателей в основном страдали представители бедноты, но доставалось и богатым. В Огайо, например, выкопали тело сенатора Джона Скотта Гаррисона – сына 9-го президента Уильяма Генри Гаррисона и отца 23-го президента Бенджамина Гаррисона. С тела уже сняли одежду и уложили на анатомический стол, но в последнюю минуту успели примчаться члены семьи и спасти покойника²².

Постепенно большинство американских штатов подписали анатомические акты (они же «Билли о костях»), составленные по образцу акта, принятого в 1832 году в Великобритании. Эти законы давали медицинским учебным заведениям право на не востребовавшие тела умерших в больницах и приютах. Но и в Америке они вызвали такие же этические проблемы, как и по другую сторону Атлантики. Более того, скоро выяснилось, что использование не востребовавших покойников сомнительно не только с этической, но и с научной точки зрения. Как ни дико это звучит, но доходы человека могут оказывать влияние на его анатомию.

²² Даже Авраам Линкольн едва не стал жертвой похитителей останков, хотя и не в анатомических целях. Вечером в день выборов 1876 года (момент выбрали не случайно, потому что всеобщее внимание было приковано к результатам) несколько грабителей проникли в склеп Эйба, чтобы выкрасть кости и потребовать за них выкуп. Помимо денег, они также надеялись, что кости помогут вызволить из тюрьмы их приятеля, опытного фальшивомонетчика. К несчастью для злоумышленников, Секретная служба внедрила в их ряды шпиона, и заговор провалился. *(Прим. авт.)*

Различия проявляются на гормональном уровне. Разумеется, среди бедняков можно обнаружить множество индивидуальных отличий, но в самом широком смысле бедные люди страдают от хронического стресса в большей степени, чем представители среднего и высшего класса. Причины очевидны. У пораженных бедностью слоев населения больше проблем со здоровьем и меньше возможностей их решать. К тому же они живут в более грязных условиях, а в 1800-е годы многие из них не имели жилища и регулярно голодали. Организм реагирует на такие стрессовые условия выработкой адреналина и других гормонов, а хронический стресс сказывается на размере и форме желез, которые вырабатывают эти гормоны. Некоторые железы, словно хорошо натренированные мышцы, увеличиваются в размерах. Другие, наоборот, истощаются и усыхают. А поскольку в те времена анатомические исследования проводили только на бедняках, врачи, изучавшие по ним строение организма, получали искаженное представление о том, как должны выглядеть нормальные железы. Это была систематическая научная ошибка.

Проблема представляла не просто научный интерес. Она имела реальные, опасные для жизни последствия.

В 1800-е годы множество младенцев стало умирать от того, что мы сейчас называем СДВС – синдромом внезапной детской смерти. Естественно, врачи хотели выяснить причину, поэтому стали проводить аутопсию детей, умерших от СДВС. Они обратили внимание, что у большинства та-

ких детей была чрезмерно увеличена одна конкретная железа – тимус, или вилочковая железа, расположенная в грудной клетке. На самом деле она была нормального размера и только *казалась* увеличенной по сравнению с вялой вилочковой железой, которую врачи обычно обнаруживали у детей из бедных семей. Эти младенцы часто умирали от хронических и стрессовых недугов, таких как диарея или истощение. Младенцы, умершие от СДВС, умирали *внезапно*, по определению, раньше, чем диарея или истощение могли негативно подействовать на железы. В результате их тимус оставался в нормальных размерах.

Патологоанатомы, не подозревая об этом, начали объяснять причину СДВС гипертрофией вилочковой железы, что, по их мнению, приводило к сдавливанию трахеи и остановке дыхания. В начале 1900-х годов врачи стали использовать радиоактивное облучение, чтобы сократить размер этой железы. Многие тысячи младенцев получали ожоги, истощенные железы и позже – раковые заболевания, что привело, по некоторым оценкам, к десятку тысяч преждевременных смертей. Яркий пример того, как неэтичный научный подход может привести к опасным научным выводам.

Со временем добровольное пожертвование тел устранило необходимость использования невостребованных трупов. В 1832 году философ Джереми Бентам, основатель современного утилитаризма, стал первым человеком, завещавшим свое тело науке – отчасти для того, чтобы смягчить негатив-

ное отношение к работе анатомов. В то время его добродетель убедила не многих, но к середине 1900-х годов мир осознал идею Бентама. Сегодня большинство препарлируемых в медицинских заведениях трупов – добровольные пожертвования.

Но медицинские учебные заведения все равно испытывают трудности с получением анатомического материала. В 2016 году был проведен анализ, который показал, что в медицинских институтах Нью-Йорка не хватало трех десятков тел из восьмисот, которые требовались для обучения новых врачей. Дефицит – 5 процентов. В других штатах дефицит достигал 40 процентов. В таких странах, как Бразилия, Индия и Бангладеш, ситуация еще хуже. Население Нигерии составляет около 200 миллионов человек, но некоторые медучреждения в виде пожертвований не получают ничего. Стремясь нажиться на дефиците, современные гробокопатели продолжают извлекать погребенные тела или воруют их с погребальных костров, чтобы продавать на «красном рынке»²³.

И в дело идут не только целые трупы. Как угонщики автомобилей разбирают машины на запчасти, так и похитители трупов могут заработать большие деньги – до 200 000 долларов, – расчлняя тела и продавая органы по отдельности: зубы, барабанные перепонки, роговицу, сухожилия, да-

²³ Подробнее об этом вы можете прочитать в книге Скотта Карни «Красный рынок» (Карни С. Красный рынок. Как устроена торговля всем, из чего состоит человек. М.: Бомбора, 2021). (Прим. ред.)

же мочевой пузырь и кожу. Зачастую семьи усопших не подозревают об этом; некоторые привозили тела своих родных и близких после гражданской панихиды домой и обнаруживали, что кости заменены ПВХ-трубками. (По крайней мере, они получали тела целыми. В 2004 году один сотрудник похоронного бюро из Статен-Айленд попался на продаже трупов по 30 000 долларов представителям армии США: армейцы надевали на покойников бронированную обувь и опускали их на сухопутные мины, чтобы проверить надежность защиты.) Разумеется, международные законы, регулирующие трансплантацию органов (легких, печени, почек), очень строгие и не допускают такого рода трафик. Но в остальных случаях, как выразился один профессор анатомии, «мы с бóльшим вниманием относимся к [импорту] овощей и фруктов, чем человеческих органов». И хотя у бедняков по-прежнему больше шансов после смерти быть разобранными на детали, в 2004 году такого не избежал Алистер Кук, ведущий многолетнего драматического телесериала *Masterpiece Theatre* («Театральные шедевры»).

Если все сказанное про анатомию как науку оскорбляет ваши чувства, поверьте, вы не одиноки. Сами анатомы продолжают дискутировать об этичности различных действий, и даже в тех случаях, когда наука приносит реальную пользу – например, методы патологоанатомии применяют для поимки преступников, совершивших убийства, – все эти исследования все равно имеют какой-то жутковатый подтекст.

Во многом зарождение судебной анатомии связано с одним кошмарным случаем, произошедшим в Гарвардской медицинской школе в 1849 году. Можно сказать, это было противостоянием между прошлым и будущим анатомии. Многие лучшие умы американской медицины должны были решить, является ли это очередным делом гробокопателя или за произошедшим кроется нечто более угрожающее.

Подозрение об убийстве возникло у уборщика из-за индейки. В День благодарения 1849 года дома на кухне его ждала сочная жареная индейка, подарок от босса, доктора Вебстера. А он сам разбирал кирпичную стенку сортира в цокольном этаже Гарвардской медицинской школы. Он бы очень хотел встретить праздник в своей квартире. Но из-за мыслей и подозрений, которые роились в голове, он бы и куска не смог проглотить.

Уборщик был не единственным, кого очень взволновало это дело. В том ноябре о нем говорили едва ли не все жители городка Кембридж в штате Массачусетс. Доктор Джордж Паркман, долговязый, худощавый, энергичный при ходьбе, с вздернутым под немислимым углом подбородком, днем в пятницу зашел в бакалейную лавку, чтобы купить колото-

го сахара и шесть фунтов масла. Затем он попросил продавца добавить пучок салата – угощение для больной дочери, большой деликатес в ноябре, – и отложить покупки. Паркман сказал, что у него назначена встреча, но он скоро вернется и заберет все. Он не вернулся никогда.

Паркман, которому было около шестидесяти лет, окончил Гарвардскую медицинскую школу в 1809 году, но никогда всерьез не занимался врачебной практикой. Вместо этого он предпочитал скупать земельные участки и даже подарил Гарварду кусок земли, на котором по сей день стоит приземистое трехэтажное здание медицинской школы. Не чурался Паркман и менее благородных занятий: он владел несколькими многоквартирными домами, которые активно сдавал в аренду. Он также получал большую прибыль как ростовщик, выжимая из должников все до последнего цента – особенно если они пытались его обмануть.

А доктор Джон Уайт Вебстер его обманывал. Вебстер, которому в то время было пятьдесят шесть лет, обладал сомнительной репутацией. Он окончил Гарвардскую медицинскую школу на несколько лет позже Паркмана и проходил последипломную практику в Лондоне, где ему нравилось посещать публичные казни. «В восемь повесят, в девять – завтрак», – посмеивался он. Наверняка он в свое время похитил парочку трупов. Но, недолго поработав на Азорских островах, Вебстер забросил медицину и начал преподавать в Гарварде химию и геологию. Его лаборатория находилась в цо-

кольном этаже медицинской школы. На лекциях он нередко устраивал пиротехнические фокусы и любил запускать в аудиторию веселящий газ, чтобы студенты получали кайф.

A CORRECT LIKENESS OF DR. PARKMAN.

AS LAST SEEN PREVIOUS TO THE MURDER.

Исчезающий Джордж Паркман (с разрешения U.S. National Library of Medicine).

Впрочем, закончив заниматься медициной, Вебстер не собирался отказываться от образа жизни преуспевающего доктора. В то время типичный гарвардский профессор имел собственное состояние, которое оценивалось примерно в 75 000 долларов (2,3 миллиона на сегодняшние деньги). Три четверти преподавательского состава были близки к одному проценту богатейших людей Америки, а некоторые профессорские особняки за свою привлекательность отмечались на местных туристических картах, чтобы желающие могли приехать полюбоваться. К сожалению, жалованье Вебстера в то время составляло 1200 долларов, намного ниже среднего университетского уровня в 1950 долларов. Мало того что это доставляло неудобства; нищенское существование грозило потерей работы. В середине 1840-х годов один итальянский профессор, работавший в Гарварде, оказался банкротом и был вынужден подать в отставку. Так что несоответствие социальным стандартам жизни в Гарварде имело свои последствия. Вебстер решил продолжать тот образ жизни, который вел, занимаясь медицинской практикой. Он купил в Кембридже дом с шестью спальнями и двумя гостиными и жил на широкую ногу, услаждая себя вином и устрицами. Но он не мог позволить себе держать прислугу. Стыдно, но его жена и дочери вынуждены были сами убираться в доме, а сбереже-

ния иссякли настолько, что однажды банк вернул без оплаты чек на 9 долларов.

В 1842 году, вместо того чтобы задуматься об экономии, Вебстер попросил у Паркмана в долг 400 долларов (13 000 нынешних). В 1847 году он попросил еще 2000 (62 000). В течение двух лет он пытался вернуть долги. Не имея представления о финансовой дисциплине, в конце концов в качестве обеспечения долга он был вынужден передать Паркману закладную на свою любимую коллекцию минералов и камней. В городе поползли слухи о долгах Вебстера, что приводило его в ярость. Однажды в парикмахерской он услышал, как один знакомый пошутил: «Никто не видел человека, бредящего обезьяну?» Возможно, это была невинная шутка, не имевшая отношения к финансам Вебстера. Тем не менее тот моментально вскочил, выхватил из рук брадобрея бритву, бросился на этого знакомого и едва не поранил его.

К осени 1849 года Паркман стал настойчиво требовать от Вебстера возвращения долга, а шериф уже угрожал изъять его мебель за неуплату. Отчаянно пытаясь выиграть время, Вебстер за спиной у Паркмана заложил свою коллекцию минералов двум другим кредиторам. К несчастью, одним из них оказался родственник Паркмана, Роберт Шоу. Однажды Паркман и Шоу повстречали на улице Вебстера, прошли мимо, а потом Шоу поинтересовался у Паркмана состоянием финансов Вебстера. Когда Паркман спросил, чем вызван такой интерес, Шоу сказал о заложенной коллекции минера-

лов. После некоторого замешательства они поняли, что Вебстер, по существу, продал одну и ту же коллекцию им обоим.

Паркмана привело в ярость это известие. Позже он отправился к Вебстеру в лабораторию. «Плати, а то хуже будет», – потребовал он. Мужчины вступили в яростный спор. Перебранку случайно услышал уборщик, в том числе угрозу Паркмана: «С этим должно быть покончено». Вебстер в итоге пообещал наскрести 483 доллара (15 000 нынешними) и отдать их в пятницу, перед Днем благодарения.

В пятницу Паркман расплатился с бакалейщиком за сахар и масло и отказался от пучка салата. Вскинув подбородок, он направился к Вебстеру получать обещанное. Позже Вебстер скажет полиции, что Паркман схватил 483 доллара и удалился без единого слова.

И здесь начинаются загадки. Паркман был невероятно педантичен в своих привычках, и, когда тем вечером не пришел домой к ужину, семья начала беспокоиться. Когда он не появился и наутро, началась паника. Проведя ряд расспросов, семья решила дать объявление в газету, пообещав 3000 долларов (92 000 нынешних) за любую информацию. Увидев объявление, Вебстер отправился к брату Паркмана и, изображая глубокую озабоченность, рассказал о прошедшей встрече. Услышав новость, семья пришла в ужас. У Паркмана была дурная привычка носить с собой большие суммы наличными, собранные с должников. Его уже не раз грабили. Вероятно, это произошло и теперь – с фатальными резуль-

татами. С тяжелым сердцем семья разместила еще одно объявление, предлагая 1000 долларов за тело Паркмана.

Гарвардский химик и предполагаемый убийца Джон Уайт Вебстер (с разрешения U.S. National Library of Medicine).

Тем временем полицейские начали прочесывать ближайшую речку Чарльз. С пристрастием допросили местную шпану. Ничего определенного не выяснилось. Последним подтвержденным местом нахождения Джорджа Паркмана оставалось здание Гарвардской медицинской школы. Более того, появились слухи, что рядом со зданием видели собаку Паркмана – он часто брал ее с собой, обходя должников, – словно та ждала возвращения своего хозяина.

За пару дней до Дня благодарения полиция все-таки пришла в здание медицинской школы. Сначала они обыскали подвальное помещение, в котором жил уборщик. Даже залезли под кровать. Ничего. В конце концов с большой неохотой (как можно беспокоить такого знаменитого ученого!) они постучались в соседнюю дверь, в кабинет Вебстера. Великодушный Вебстер сказал, что все прекрасно понимает, и позволил обыскать всю лабораторию. Или, по крайней мере, почти всю. Никто не осмелился заглянуть в его личную уборную. Полицейские обратили внимание на запертый сундук. Один коп спросил, что там внутри, и Вебстер объяснил, что там хранятся взрывоопасные химикаты. Этого оказалось достаточно, и через некоторое время полицейские распрощались с профессором и отправились трясти уличных бродяг. Им и в голову не пришло, что главный подозреваемый все время находился на расстоянии вытянутой руки.

Эфраим Литтлфилд был не только уборщиком в медицинской школе. Высокий лоб и шкиперская бородка делали

его похожим на благородного квакера, но он еще занимался грязным бизнесом по обеспечению анатомических классов трупами. Поскольку они с женой жили в цокольном этаже здания медицинской школы, он мог принимать потрошителей могил в любое время. Не чурался он и прочих темных делишек. Годом ранее местный врач неудачно сделал аборт женщине на втором триместре беременности. Она умерла. Врач попытался продать тело и мертвый плод гарвардскому врачу Оливеру Уэнделлу Холмсу-старшему. Проявив нехарактерные для того времени нравственные принципы, Холмс отказался. В отчаянии врач обратился к Литтлфилду и попросил его уничтожить трупы. Литтлфилд согласился за пять фунтов. Деньги он получил, но врач все равно попался, и информация о продажности Литтлфилда стала известна всей школе.

Такие темные коммерческие аферы должны были в глазах полиции сделать Литтлфилда главным подозреваемым по делу об исчезновении Паркмана. Полиция тщательно обыскала его жилье в подвале. Возможно, чтобы снять с себя подозрения, Литтлфилд начал собственное расследование, сосредоточившись на сомнениях, которые у него имелись относительно своего босса, доктора Вебстера.

Жилье Литтлфилда располагалось рядом с лабораторией Вебстера, а поскольку в обязанности уборщика входило каждое утро разводить огонь в лабораторной печи, он привык, что дверь всегда открыта. После исчезновения Парк-

мана Вебстер неожиданно стал запира́ть лабораторию. Но печь горела постоянно, причем внешняя стенка раскалялась настолько, что Литтлфилд беспокоился, не случился бы пожар. Еще более странной показалась ему подаренная индейка. Вебстер обычно игнорировал Литтлфилда как помощника, и было известно, что профессор в долгах. Однако за несколько дней до Дня благодарения он облагодетельствовал уборщика 8-фунтовой птицей. Почему? И почему он предложил Литтлфилду отправиться за ней на другой конец города, вместо того чтобы заказать доставку? Может, он хотел, чтобы уборщик ему не мешал?

Полный подозрений, Литтлфилд решил заняться разведкой. Однажды Вебстер, находясь в лаборатории, не отреагировал на его стук в дверь. Уборщик лег на пол и, затаив дыхание, заглянул в щель под дверью. Ему были видны только ноги профессора: похоже, он что-то подтаскивал к печи. Позже Литтлфилд заглянул в открытое окно лаборатории, но беглый осмотр не обнаружил ничего подозрительного.

После этого он приступил к решительным действиям. В День благодарения Литтлфилд убедился, что здание школы опустело. Пока остывала его восьмифунтовая индейка, он вооружился топором и зубилом, поставил жену на страже и пробрался в подвал под цокольным этажом, чтобы пробить кирпичную стену сортира. Полиция отказалась обследовать отхожее место. Уборщик был не так щепетилен.

Гарвардский уборщик Эфраим Литтлфилд (с разрешения U.S. National Library of Medicine).

Впрочем, он был немного ленив. Для разрушения стенки из пяти слоев кирпичей топор оказался не самым подходящим инструментом. Через полтора часа, замерзнув и проголодавшись, Литтлфилд бросил свою затею. Вечером, вероятно, чтобы развеяться, он пошел с женой на танцы. Домой они вернулись в четыре часа утра. На следующий день Литтлфилд был немного вялым, к тому же у него были разные дела²⁴, но он все-таки заставил себя днем сходить в ближайшую металломастерскую и выпросил на время молот, зубило получше и лом, объяснив, что нужно провести новую водопроводную трубу. Все это он перетащил в подвал.

Сначала работа пошла быстрее. Потом он услышал четыре удара молотком над головой: *бам, бам, бам, бам*, – это жена подала сигнал, что Вебстер на подходе. Литтлфилд все оста-

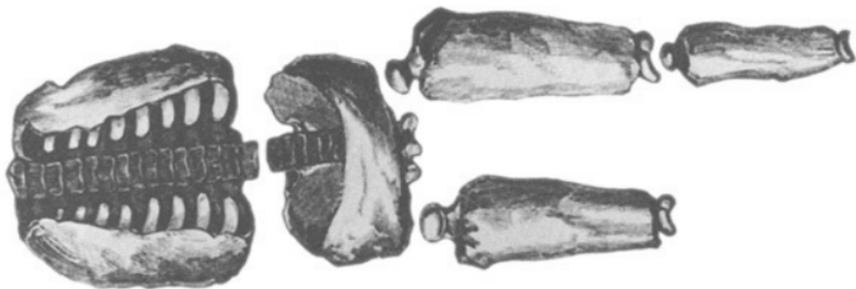
²⁴ Среди разных дел, которыми ему пришлось заниматься первую половину дня в праздник Благодарения, была переноска френологических бюстов по просьбе знаменитого гарвардского профессора Джона Уоррена. Читателям моей книги «Последний вздох Цезаря» Уоррен известен как хирург, первым применивший анестезию в медицинской практике. Блестящий пример того, как даже самые продвинутые в некоторых областях ученые могут быть поразительно дремучими в других. В связи с анестезией нужно сказать еще вот о чем. На процессе по делу Вебстера свидетелями выступали Уильям Мортон (дантист-мошенник, который открыл анестезию) и Чарльз Т. Джексон (который заявлял, что Мортон украл у него идею). Джексон рассказал на суде о неких странных химических препаратах, которые он видел в здании Гарвардской медицинской школы. Невероятно, но в перерыве заседания Вебстер получил возможность переговорить с Джексоном и упрекнул последнего в даче показаний против него. Джексон немедленно попросил слова еще раз и выступил уже в защиту репутации обвиняемого. (*Прим. авт.*)

вил и поспешил подняться наверх, но тревога оказалась ложной. Вскоре Вебстер все же появился, и Литтлфилду пришлось какое-то время отвлекать его. Затем он вернулся к прерванному занятию.

Через несколько часов он наконец пробил дыру во внутреннем слое кирпичей. Он поднял светильник повыше, вглядываясь в темноту. Возникший сквозняк едва не погасил огонь (учитывая место раскопок, сквозняк наверняка обдал его соответствующими запахами). Но Литтлфилд расширил отверстие и, прикрывая пламя светильника, заглянул внутрь выгребной ямы. Это был момент, достойный пера Эдгара По. В основном Литтлфилд увидел то, что и можно увидеть в выгребной яме. Но когда глаза привыкли к сумраку, он заметил кое-что еще. В центре ямы, отсвечивая тусклой белизной, лежали человеческие тазовые кости.

Литтлфилд быстро выбрался наружу и поспешил в полицию, которая на сей раз провела тщательный обыск в лаборатории. Среди золы в очаге они нашли фрагменты костей и зубной протез. В выгребной яме обнаружилось еще несколько фрагментов костей. Их вытащили на поверхность. Самую страшную находку полицейские сделали в ящике из-под чая, где Вебстер хранил свою коллекцию минералов, источник всех бед. У самого дна обнаружилось нечто мягкое и решительно не похожее на камни. Это была выпотрошенная грудная клетка, внутри которой лежала левая бедренная кость,

словно человеческий турдакен²⁵.

Останки Джорджа Паркмана, найденные в лаборатории Джона Уайта Вебстера в Гарварде (с разрешения U.S. National Library of Medicine).

Публика была в ошеломлении. Убийство – в Гарварде? Как написала одна газета, «на улицах, на рынке, на каждом углу люди встречались, вглядывались в побледневшие лица и обменивались напряженными взглядами – «неужели это правда?». Поэт Генри Уодсворт Лонгфелло, который преподавал в Гарварде итальянский язык и считал Вебстера своим другом, был в полном отчаянии. «Все души, – причитал он, – замараны этим грязным делом».

Но если многие были готовы немедленно повесить Веб-

²⁵ Турдакен – блюдо из птицы. Название образовано слиянием слов «индейка» (англ. *turkey*), «утка» (англ. *duck*) и «цыпленок» (англ. *chicken*). Представляет собой целые тушки птиц, вложенные одна в другую, наподобие матрешки. (Прим. перев.)

стера, то у местной прокуратуры улики вызывали сомнения. Как в случае с Берком и Хейром, все оказалось не так просто. Да, тело обнаружено, но обезглавленное. Действительно ли это Паркман? В конце концов, в медицинской школе всегда полно всяких трупов. И даже если это Паркман, не исключено, что его кто-то убил где-то в другом месте или нашел тело скончавшегося своей смертью человека и продал труп в школу. Полиция также не могла исключить и самого Литтлфилда из числа подозреваемых. В конце концов, кто обнаружил кости? К тому же все помнили, что он охотно согласился ликвидировать тело умершей женщины и ее нерожденного ребенка за какие-то паршивые пять баксов. Может быть, он надеялся получить вознаграждение за тело Паркмана или был в сговоре с какими-то расхитителями могил? Как ни смотри, возникали разумные сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.